

НОВОНАЙДЕННЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМА ДОСТОЕВСКОГО

Статья и публикация И. С. Зильберштейна

В 1959 г. А. С. Долинин завершил издание «Ф. М. Достоевский. Письма»¹. Огромный труд затратил исследователь, чтобы этот четырехтомник был осуществлен на высоком научном уровне. Здесь и продолжительные поиски в архивах и частных коллекциях, и выявление публикаций, затерявшихся на страницах дореволюционной периодической печати и редких сборников, и сверка текстов уже изданных писем с сохранившимися автографами, что подчас давало возможность восстановить ранее опущенные места, нередко значительные по содержанию. Сложнейшую работу провел А. С. Долинин по созданию широкого, всеобъемлющего комментария, отразившего богатые результаты исследовательских разысканий, к которым он приступил еще в дореволюционные годы. Это издание, сыгравшее на протяжении более сорока лет большую роль в изучении биографии и творческого пути великого писателя, еще по крайней мере в течение десятилетия, пока не будет завершено новое, академическое собрание сочинений и писем Достоевского, останется единственным и к тому же достаточно надежным источником для изучения его эпистолярного наследия. Что же касается комментариев А. С. Долинина к четырехтомнику, то многим из них суждена еще более долгая жизнь, так как они заключают в себе первоклассные исследовательские экскурсы по сложнейшим вопросам, в том числе и о взаимосвязях Достоевского с предшествующей и современной ему литературой.

Об Аркадии Семеновиче можно сказать: человек, одержимый любовью к Достоевскому. И эта его любовь как бы передавалась нам, начинающим литературоведам, еще с середины 1920-х годов, со студенческой скамьи, общавшимся с А. С. Долининым. Вспоминаю, как мы были рады чем-либо помочь ему в кропотливом труде по созданию первого тома писем Достоевского. К тому времени уже вышли в свет два сборника «Достоевский. Статьи и материалы» под редакцией А. С. Долинина; во втором сборнике (на его титульной странице указан 1924-й год) Аркадий Семенович поместил мою публикацию «Письма Ф. М. Достоевского к И. С. Тургеневу»². Наша помощь А. С. Долинину в его трудной работе по подготовке издания писем Достоевского заключалась в наведении архивных справок, в сверке печатавшихся писем с автографами, а главное в поисках еще не издававшихся писем. Как мы были горды, когда могли порадовать Аркадия Семеновича такими находками! Эту помощь исследователю, которого в душе считали «стариком», хотя ему тогда было всего около 45 лет, мы считали для себя большой честью. Когда первый том писем Достоевского вышел в свет, Аркадий Семенович подарил мне экземпляр с дарственной надписью: «Милому Илье Самуиловичу Зильберштейну с благодарностью за большие услуги, оказанные мне при работе над этой книгой. А. С. Д о л и н и н. 30/XI 28».

В четырехтомнике писем Достоевского порой не по вине редактора оказались и композиционные просчеты, и неточности в текстах. Так, по бессмысленному требованию Центрархива хранившиеся там 25 писем Достоевского, которые следовало включить в общий хронологический ряд первого тома, редактор был вынужден дать в виде «автономного приложения» в конце второго тома, да еще со статьями П. Н. Сакулина и с особым шмуцтитлом: «Центрархив. Из архива Ф. М. Достоевского. Неизданные письма 1839—1865». Но ведь второй том включал письма 1867—1871 гг.! Не говорю

уже о том, что называть эту подборку «Из архива Ф. М. Достоевского» не было никаких оснований, так как все включенные в нее письма удалось выявить в архивах адресатов писателя.

В одном случае сам А. С. Долинин, к сожалению, допустил в последней книге четырехтомника редакторский произвол: некоторые из напечатанных здесь писем Достоевского к В. Ф. Пуцковичу, К. П. Победоносцеву и жене приведены с сокращениями отдельных абзацев и даже целых страниц, имеющих в автографах. Но эти письма в полном виде уже появлялись в печати прежде: к Пуцковичу — в «Московском сборнике» (1887 г.), к Победоносцеву — во второй книге «Красного архива» (1922 г.), к А. Г. Достоевской — в книге «Ф. М. Достоевский. Письма к жене» (1926 г.). А при их перепечатке с пропусками в четвертом томе даже не были поставлены многоточия в угловых скобках, как обычно принято обозначать купюры в научных изданиях. Несмотря на то, что эти изъятия сделаны с целью отвести упреки по адресу писателя в отсталых, шовинистических взглядах, все же оправдать такой редакторский произвол нельзя.

Хотя А. С. Долинин не был твердо убежден, что Достоевский — автор хранящегося в Нижегородском краевом музее письма к Д. В. Григоровичу, оно все же оказалось включенным в первый том (№ 59). Бесспорным автографом Ф. М. Достоевского считал это письмо видный советский исследователь В. Л. Комарович³. И все же оно написано М. М. Достоевским, и его нельзя было помещать в издание.

Досадный промах допустил А. С. Долинин, не включив в вышедший в 1959 г. четвертый том два письма Достоевского к П. М. и В. Н. Третьяковым, впервые напечатанные в 1951 г. в книге их дочери А. П. Боткиной «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве». Исследователь, видимо, не знал этой книги. Не знала и В. С. Нечаева, редактор «Описания рукописей Ф. М. Достоевского», изданного в 1957 г., о том, что в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи хранятся автографы этих двух писем, а также о том, что они опубликованы.

Вне четырехтомника осталось и письмо Достоевского к В. Ф. Пуцковичу 23 августа/4 сентября 1879 г., подлинник которого находится в берлинской Государственной библиотеке; напечатано оно было в 1921 г. (правда, в переводе на немецкий язык) в издании «Preußische Jahrbücher», но в дальнейшем вполне можно было получить фотографию этого письма и включить его в последний том писем Достоевского.

Кроме того, А. С. Долинину следовало напечатать в четырехтомнике записку к Г. Ф. Пантелееву на письме Д. Е. Кожанчикова к Достоевскому 7 марта 1874 г., тем более, что она была дважды опубликована (см. Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Достоевского, стр. 346 и «Описание рукописей Достоевского», стр. 262; в обоих случаях без указания адресата, который установлен С. В. Беловым)⁴.

А. С. Долинин не знал некоторые частные собрания, в которых были автографы писем Достоевского. Так, в комментариях к двум запискам Достоевского к метранпажу М. А. Александрову (№№ 854 и 865 в четвертом томе) сказано, что они печатаются по оригиналам, хранящимся в ИРЛИ (см. там же, стр. 463—464). В действительности эти автографы, приобретенные у собирателя А. Е. Бурцева, вошли в состав коллекции проф. Ю. Г. Оксмана, где находятся еще три письма Достоевского: к Б. И. Утину 18 февраля 1863 г. (№ 162 в первом томе); к Н. Ф. Бунакову 5 мая 1865 г. (№ 835 в четвертом томе; здесь неправильно указана дата — 15 мая); к М. А. Александрову (№ 900 в четвертом томе, тоже с неправильной датой — вместо 1876 г. указан 1877 г.). Обращение к автографам этих пяти писем дало бы возможность не только уточнить даты, но также восстановить пропущенные и неверно прочитанные слова.

Личные коллекции примечательны тем, что в них встречается самое неожиданное. Так, я был очень удивлен, когда А. Б. Гольденвейзер, показав мне чудесный альбом Н. С. Голицыной (Апраксиной) с записями Пушкина, Мицкевича и Бальзака, вслед за этим вынул из ящика стола автограф письма Достоевского 16 ноября 1866 г. к Н. А. Любимову. А в первом томе четырехтомника напечатан лишь отрывок из этого письма, к тому же без указания адресата, по копии, сохранившейся в архиве

А. Н. Майкова. И до сих пор автограф письма Достоевского к Н. А. Любимову из коллекции А. Б. Гольденвейзера оставался не только не опубликованным, но даже нигде не зарегистрированным.

А. С. Долинину поневоле приходилось некоторые письма Достоевского печатать по тексту первой публикации, так как их автографов не удавалось обнаружить. Утраченным считался и автограф замечательного письма из Семипалатинска 18 октября 1855 г. к П. Е. Анненковой, урожденной Гебль, жене декабриста И. А. Анненкова, добровольно и самоотверженно разделившей с мужем сибирскую каторгу. Это письмо Достоевского впервые появилось 85 лет назад в «Русском вестнике» 1888 г.; текст этой публикации Долинин воспроизвел в первом томе. И лишь совсем недавно автограф письма к Анненковой обнаружил талантливый ленинградский литературовед и искусствовед М. Д. Ромм: купив в книжном магазине весьма редко ныне встречающийся первый том писем Достоевского (он ведь печатался тиражом 4000 экземпляров), Ромм увидел между страницами 162—163, где напечатано письмо к Анненковой, автограф этого письма. Какие только удачи не бывают у коллекционеров! В прошлом веке письма Достоевского публиковались не с такой тщательностью, как сейчас, поэтому обнаруженный автограф дает, наконец, возможность напечатать это письмо в более точном виде, чем это мог сделать Долинин.

Трудно было избежать неточностей и в других случаях, когда исследователь предполагал не подлинником, а только копией письма Достоевского. Так произошло с большим и содержательным письмом к В. А. Алексееву 7 июня 1876 г. (автограф которого, видимо, находится за границей), включенным в третий том. Б. И. Бурсов, получивший другую копию этого письма, объявил, что в его публикации Долинин допустил около 20 неточностей. И все же никак не следовало придавать этой находке значение важного события, как Бурсов это сделал в своей статье, которую к тому же озаглавил «Достоевский неизвестный» («Литературная газета», 1970, № 39, 23 сентября). Во-первых, приведенные здесь три неточности, по-видимому, самые существенные, настолько мелки, что и в малой степени не меняют смысла этого письма, занимающего около двух страниц книжного текста. Во-вторых, ведь Б. И. Бурсов тоже располагает лишь копией письма, поэтому принять все обнаруженные им разночтения, кроме явных опечаток, можно будет лишь тогда, когда найдется автограф или его фотография.

Однако все неточности в тексте письма Достоевского к Алексееву в третьем томе, которые Б. И. Бурсов установил по имеющейся у него копии, покажутся несущественными, если, например, сравнить, в каком виде он опубликовал в той же статье в «Литературной газете» две заметки Достоевского — о Льве Толстом, о Фурье и Ростиславе Фадееве, — сохранившиеся в автографах. В этих двух заметках, занимающих всего лишь около сорока коротких газетных строк, приводится текст, в котором совсем не прочитаны или прочитаны неверно десять слов, да еще допущено восемнадцать других неточностей! Но ведь Б. И. Бурсов имел возможность обратиться к автографам, которые хранятся не где-либо в далеком зарубежье, а в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР! Тот, кто пожелал бы убедиться, что в напечатанных Б. И. Бурсовым двух заметках Достоевского общим объемом около сорока газетных строк действительно имеется двадцать восемь ошибок, может сверить эту публикацию с точным текстом тех же заметок, приведенным на страницах 310 и 311 тома 83 «Литературного наследства» — «Неизданный Достоевский»⁵.

Некоторые критические замечания принципиального характера по поводу комментариев А. С. Долинина, напечатанных в первом, втором и третьем томах писем Достоевского, высказал в свое время В. Л. Комарович. Он не соглашался с тем, как освещена в этих комментариях эволюция мировоззрения писателя. Упрекая редактора в том, что некоторые комментарии излишне подробны, Комарович приводит и примеры явных упущений⁶.

И все же несмотря на невольные, а порой неоправданные ошибки, недостатки, просчеты и неточности, подготовленный Долининым четырехтомник писем Достоев-

ского — исследовательский подвиг. Это издание явилось важнейшим этапом в изучении наследия писателя и внесло большой вклад в разработку его творческой биографии, способствовало углублению дальнейших научных разысканий. Четырехтомник может быть причислен к наиболее выдающимся изданиям эпистолярного наследия классиков русской литературы.

О том, насколько добротна была в целом проделана работа по созданию первоосновы четырехтомника — выявлению писем Достоевского, — можно заключить из следующего факта: всего здесь напечатано 935 писем, записок, прошений и альбомных записей (если вычесть не принадлежащее перу Достоевского письмо к Григоровичу, остается 934 номера), а за истекшие четырнадцать лет со времени выхода четвертого тома — кроме пропущенных А. С. Долининым четырех писем — впервые было напечатано лишь тринадцать писем и прошений Достоевского, семь из которых обнаружены в зарубежных архивохранилищах.

Вот перечень публикаций этих новонайденных писем:

пять писем Достоевского к Н. П. Вагнеру 4 и 21 декабря 1875 г., 2 января и 24 октября 1876 г., 17 января 1877 г., хранящихся в литературном архиве Народного музея в Праге и обнародованных Ф. Каутманом в издании «*Sborník Národního Muzea v Praze*», sv. VII, 1962, čís. 4, напечатал С. В. Белов в журнале «Советские архивы», 1969, № 2;

он же напечатал в «Вопросах литературы», 1967, № 5, еще одно письмо Достоевского к Н. П. Вагнеру 26 января 1877 г., принадлежащее Чехословацкой Славянской библиотеке в Праге и опубликованное Ф. Каутманом в издании «*Literární archiv*». Praha, 1967, ročník 2. В том же номере «Вопросов литературы» С. В. Белов впервые в русском подлиннике привел текст письма Достоевского к В. Ф. Пуцковичу 23 августа/4 сентября 1879 г., хранящегося в берлинской Государственной библиотеке и с 1921 г. известного лишь в немецком переводе;

профессор Дж. Симмонс отыскал в библиотеке Манчестерского университета письмо Достоевского к неизвестному 5 декабря 1863 г. и опубликовал в издании «*Oxford Slavonic Papers*», 1960, vol. IX; это же письмо привел Б. И. Бурсов в «Литературной газете», 1970, № 39, 23 сентября, а также С. В. Белов в «Ученых записках Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена», 1971, т. 414, стр. 351—352;

письмо Достоевского к Л. В. Головиной 23 июля/4 августа 1876 г., найденное в ИРЛИ, напечатала И. А. Битюгова в журнале «Русская литература», 1961, № 4;

там же в 1963 г., № 4, С. В. Белов и А. З. Жаворонков опубликовали два прошения Достоевского исправнику г. Старая Русса 21 апреля 1875 г. и в канцелярию Новгородского губернатора 31 июля 1875 г., подлинники которых хранятся в Государственном архиве Новгородской области;

в том же издании в 1965 г., № 3, Б. Л. Бессонов напечатал письмо Достоевского к А. А. Краевскому 11 января 1874 г., обнаруженное в коллекции автографов, принадлежавшей академику Н. П. Лихачеву и ныне находящейся в ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР;

в первой книге издания «Встречи с прошлым» (ЦГАЛИ, 1970 г.) Ю. А. Красовский напечатал письмо Достоевского к казанскому литератору Н. Ф. Юшкову 5 февраля 1876 г.;

в сборнике «Достоевский и его время», вышедшем в 1971 г., Б. Н. Капелюш опубликовала отысканное в научной библиотеке Вильнюсского государственного университета письмо Достоевского к В. М. Каченовскому 25 ноября 1880 г.

В заключение следует напомнить, что ценным источником сведений о существовавших, но ныне не известных письмах Достоевского являются письма его корреспондентов. В них порой даже цитируются строки из писем самого Достоевского, о судьбе которых никакими сведениями исследователи не располагают (см. публикацию Л. Р. Ланского «Утраченные письма Достоевского». — «Вопросы литературы», 1971, № 11).

В печатаемой в настоящем томе публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников» приводится письмо М. М. Достоевского к П. А. Карпину 28 ноября 1844 г., в котором широко цитируется письмо Достоевского к брату, до наших дней не сохранившееся.

Этой нашей публикацией мы вводим в научный оборот еще десять писем Достоевского, два из которых — к Третьяковым, как сказано выше, остались А. С. Долинину не известными, хотя и были при его жизни напечатаны, а одно письмо — к Н. А. Любимову — появилось лишь в отрывке и без указания адресата.

І. ДОСТОЕВСКИЙ И ТРЕТЬЯКОВЫ

В истории русской культуры навсегда сохранится имя Павла Михайловича Третьякова.

Создатель первого обширного национального музея отечественного изобразительного искусства, Третьяков тем самым во многом способствовал расцвету живописи и скульптуры в родной стране. Велика его роль и в том, что приобретая лучшие произведения передвижников, он помогал художникам целиком отдаваться творческой работе. А существует ли для подлинного мастера нечто более желанное и дорогое? И делал все это Третьяков с единственной целью: предоставить возможность своим соотечественникам любоваться лучшими достижениями русской школы живописи и скульптуры. В 1892 г. он составил завещание, в котором было сказано: «...желая <...> содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской городской Думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями»⁷.

Этот благородный поступок высоко оценил В. И. Ленин. В подготовленный проект декрета о национализации галереи, который утверждался 30 мая 1918 г. на заседании Совнаркома, Ленин собственноручно внес поправку: в текст «Московскую городскую художественную галерею П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики» Ленин вписал слово «имени» (т. е. «имени П. и С. М. Третьяковых») ⁸.

Можно назвать целый ряд замечательных начинаний П. М. Третьякова, которые он осуществлял на протяжении четырех десятилетий, создавая свою галерею. Одно из них достойно особой признательности потомства. Я имею в виду решение Третьякова собрать и с этой целью заказывать лучшим тогдашним художникам портреты выдающихся деятелей отечественной культуры. С полным основанием В. С. Кеменов утверждает: «Если бы не настойчивость Третьякова и не его высокое чувство ответственности перед народом, для которого необходимо запечатлеть силой русского искусства образы великих русских людей, мы не имели бы и десятой доли той богатейшей коллекции портретов, которой располагает сейчас Третьяковская галерея. И в этом огромная личная заслуга П. М. Третьякова перед русской культурой»⁹.

Особое внимание собиратель уделял тому, чтобы были увековечены лучшие писатели того времени. Так, только И. Н. Крамской по заказу Третьякова написал с натуры Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, С. Т. Аксакова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ю. Ф. Самарина, И. А. Гончарова, Я. П. Полонского, Д. В. Григорovichа, А. Н. Майкова, Г. П. Данилевского, П. И. Мельникова-Печерского, Н. Д. Хвощинскую¹⁰. Ряд писательских портретов, в том числе портрет И. С. Тургенева, по заказу Третьякова исполнил И. Е. Репин.

Но первым к такой работе коллекционер привлек В. Г. Перова, которому в 1871 г. заказал портрет А. Н. Островского. А в следующем году, решив украсить галерею портретом Достоевского кисти того же художника, Третьяков обратился к писателю с просьбой:

И сего ради востаните,
и сиемъ возглаголю въ ре-
бавице и Невини.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[illegible]

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Милостивый государь Федор Михайлович.

Простите, что не будучи знаком вам, осмеливаюсь беспокоить вас следующей просьбою. Я собираю в свою коллекцию русской живописи портреты наших писателей. Имею уже Карамзина, Жуковского, Лермонтова, Лажечникова, Тургенева, Островского, Писемского и др. Будут, т. е. заказаны: Герцена, Щедрина, Некрасова, Кольцова, Белинского и др. Позвольте и ваш портрет иметь (масляными красками); смею надеяться, что вы не откажете в этой моей покорнейшей просьбе и сообщите мне, когда для вас более удобное время. Я выберу художника, который не будет мучить вас, т. е. сделает портрет очень скоро и хорошо.

Адрес ваш я добыл от Павла Васильевича Анненкова.

В случае согласия — в чем я осмеливаюсь не сомневаться, — покорнейше прошу поскорее известить меня.

С глубочайшим почтением имею честь быть

ваш милостивого государя покорнейший слуга П. Т р е т ь я к о в

Москва

31 марта 1872 г.

Адрес для письма:

Павлу Михайловичу Третьякову в Москве.

Живу в Толмачах в соб<ственной> доме. Это на случай, если не придется ли вам быть в Москве и, может быть, захотите зайти ко мне; письмо прошу адресовать просто: в Москву ¹¹.

В отделе рукописей Третьяковской галереи, где находится архив коллекционера, ответ Достоевского отсутствует, хотя Третьяков бережно относился к своим бумагам, сохраняя даже денежные расписки художников. Содержание ответа Достоевского явствует из второго письма Третьякова:

Милостивый государь Федор Михайлович.

Душевно благодарен вам за ваше доброе согласие. Вышло так, что когда получил я ваше письмо, то избранный мною художник В. Г. Перов не мог уже поехать в Петербург по разным обстоятельствам, и вот только теперь можно назначить предварительно отъезд его — в конце сего месяца; пишет он скоро, и потому до 10 мая портрет непременно может быть готов. О дне его выезда я вас извещу.

С глубочайшим почтением имею честь быть

ваш милостивого государя покорнейший слуга П. Т р е т ь я к о в

Москва

Апреля 15 дня 1872.

Достоевский, очевидно, уведомлял Третьякова, что 10 мая собирается уехать на летние месяцы в Старую Руссу, поэтому просил, чтобы художник завершил к этому сроку работу над портретом.

Через несколько дней, — по-видимому, в 20-х числах, — Перов поехал в Петербург. Приступая к написанию портрета, он уведомлял Третьякова:

«Нынешний день от 3 до 5-ти назначен сеанс с Федора Михайловича Достоевского, личность которого имеет свой интерес, и думаю, что для живописи будет также интересно; об нем в следующий раз напишу больше, а теперь исполняю его желание, которое он мне высказал, а именно, почему вы до сего времени не имеете портрета Аполлона Майкова, который, по его мнению, вам иметь необходимо, и он находит, что хорошо было бы, если бы я их написал в одно время.

Что вы на это скажете? Если да, то напишите письмо к Майкову на мое имя, и я с ним пойду к нему и напишу его портрет, если нет, то все-таки меня уведомите ¹².

Достоевский мне дает только два часа в день, от 3 до 5 и два сеанса утром, о ходе дела напишу, прошу вас мне поскорее написать ответ ¹³.

Сохранилось письмо Достоевского к Н. Н. Страхову 3 мая 1872 г., в котором имеются такие строки:

«...как нарочно, Перов Василий Григорьевич, художник, выпросил себе завтра в четверг льготный день и писать не будет. Да и портрет несколько затянулся, так что и нечего показывать. А в воскресенье, кажется, он будет окончен вполне, да и с Перовым я бы очень хотел вас познакомить. (Третьяков поручил уже ему сегодня из Москвы снимать Майкова.) А потому весьма прошу вас не манкируйте в воскресенье. Но этак пораньше, если можно в пятом часу, например»¹⁴.

Портрет кисти Перова явно пришелся по душе Достоевскому, поэтому он решил познакомить Страхова с художником и его работой.

Неделю спустя — 10 мая 1872 г. — Перов отправил письмо Третьякову:

«Наконец собрался вам написать о ходе наших портретов, которые скоро будут кончены. Достоевского портрет осталось, чтобы кончить, взять сеанса два, Майкова — сеанса 4. Портреты хороши, удачны. Достоевский не советует больше трогать голову Майкову, находя выражение вполне удовлетворительно. Майков также с большой похвалой отзываясь о портрете Достоевского.

Нынешний день идет смотреть портреты Бессонов¹⁵, по окончании приглашу Ге и Крамского.

К этим портретам можно применить нашу поговорку (за вкус не берусь, а горячо будет), и правда, как они написаны, т. е. хорошо ли, не знаю, но что в них нет ничего портретного, то это верно, мне кажется, что в них выражен даже характер писателя и поэта <...>

Достоевский и Майков находят, что для вашей галереи необходимо иметь портрет старика Тютчева, как первого поэта-философа, которому равного не было, кроме Пушкина, и который выше Гейне¹⁶, — и Каткова, как первый ум России. Даже Достоевский выразился так, что, не имея их портрета, можно сказать себе: „слонов-то я и не приметил“, одним словом, они Каткова считают гением¹⁷.

Летом собираются посетить вас, а также поблагодарить вас за честь, которую вы им сделали, имея их портреты <...>

Еду работать с Достоевского, вчера я сделал два сеанса и работал 7¹/₂ часов»¹⁸.

Очевидно, в том же мае 1872 г. портрет, за который Третьяков уплатил 600 рублей, поступил в состав его коллекции¹⁹.

Суммируя позже свои впечатления от сеансов художника, А. Г. Достоевская писала: «Прежде чем начать работу, Перов навещал нас каждый день в течение недели; заставлял Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал, вызывал на споры и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете „минуту творчества Достоевского“. Такое выражение я много раз примечала в лице Федора Михайловича, когда, бывало, войдешь к нему, заметишь, что он как бы „в себя смотрит“, и уйдешь, ничего не сказав. Потом узнаешь, что Федор Михайлович так был занят своими мыслями, что не заметил моего прихода и не верит, что я к нему заходила. Перов был умный и милый человек, и муж любил с ним беседовать. Я всегда присутствовала на сеансах и сохранила о Перове самое доброе воспоминание»²⁰.

Самое доброе воспоминание о художнике сохранил и Достоевский. Дважды он внес в свои записные тетради его адрес: «В Москве, против Почтамта, Училище живописи, Василий Григорьевич Перов»²¹. А когда осенью того же 1872 г. Достоевский приехал в Москву, он навестил художника и вместе с ним осмотрел галерею Третьякова. Вот что писал Достоевский жене 9 октября:

«Вчера заезжал к Перову, познакомился с его женою (молчаливая и улыбающаяся особа). Живет Перов в казенной квартире, если б оценить на петербургские деньги тысячи в две или гораздо больше. Он кажется богатый человек. Третьяков не в Москве, но я и Перов едем сегодня осматривать его галерею, а потом я обедаю у Перова»²².

Полгода спустя — в марте 1873 г. — Достоевский, посетив в Петербурге выставку картин русских художников, отобранных для отправки на Венскую всемирную выставку, напечатал по этому поводу статью в «Дневнике писателя», в которой тепло отзывался и об известном произведении Перова «Охотники на привале». Считая, что

это одна «из понятнейших картин нашего национального жанра», писатель, кратко описав ее, воскликнул: «Что за прелесть!» (XI, 73) ²³.

В той же статье Достоевский писал: «Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, готовится, вглядывается. Почему он это делает? А потому что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает главную идею его физиономии, тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста» (XI, 78). Здесь, несомненно, отразились впечатления писателя от работы Перова над его портретом.

А еще год спустя, работая над романом «Подросток», Достоевский, все еще находясь под впечатлениями портретных сеансов Перова, высказал словами одного из персонажей романа такую мысль: «В редкие только мгновенья человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он списывает, и не было ее вовсе в лице» (VIII, 387).

26 декабря 1872 г. в петербургской Академии художеств открылась вторая Передвижная выставка, на которой был экспонирован перовский портрет Достоевского. Все авторы статей о выставке расценили это полотно как выдающееся создание русской портретной живописи. Вот некоторые отзывы о портрете в статьях, посвященных второй Передвижной выставке:

«Что касается Перова, то лучшим, даже безукоризненно хорошим из всех присланных им портретов, следует признать портрет г. Достоевского: свободная посадка фигуры, удачно схваченное выражение и мастерская лепка лица соединились здесь с естественностью и свежестью колорита, с этим важным условием всякой, а тем больше портретной живописи, не всегда покорным г. Перову» (из статьи В. В. Стасова в «С.-Петербургских ведомостях») ²⁴;

«Портреты любимых отечественных писателей, сделанные лучшими художниками, — чему подаю пример, если не ошибаемся, г. Ге — это весьма желанная иллюстрация к их произведениям, особенно когда эти портреты так осмысленны и схожи с подлинниками, как портреты Некрасова и Салтыкова работы г. Ге, и портрет Достоевского кисти г. Перова. Последний — вместе и картина. Такой свежей, мягкой и тонкой живописи, при поразительном сходстве и глубокой верности в передаче характера, не только личного, но и литературного, мы не встречали до сих пор у г. Перова, да и вообще находим редко у наших портретистов. Автор „Записок из Мертвого дома“ сидит, сомкнув руки на колене, погруженный в безвыходно-скорбную думу <...> Да, портретной живописи, когда за нее берутся истинные таланты, удается иногда расторгать свои тесные границы <...> Если бы г. Перов написал один такой портрет, как Достоевского, то его следовало бы уже признать настоящим художником» (из статьи П. М. Ковалевского в «Отечественных записках») ²⁵;

«Портрет Ф. М. Достоевского поражает <...> простотою и задушевностью: романист так и вылился из-под кисти Перова, без прикрасы (как Погодин) и не рисуясь в позе (как Тургенев). В этих портретах г. Перов поднялся (особенно в последнем — Достоевского) на высоту, доступную немногим из русских портретистов» (из статьи П. Н. Петрова в «Биржевых ведомостях») ²⁶;

«...Особенным сходством, тишичностью и удачно выбранной обстановкой отличаются портреты М. П. Погодина и Ф. М. Достоевского <...> Сгорбленная, худощавая фигура автора „Записок из Мертвого дома“, в сером пиджаке, с болезненным взглядом, впалыми щеками и болезненно же выразительностью всего лица, производит немалое впечатление на зрителя. По художественному воспроизведению характера и необыкновенно верному колориту — это едва ли не самый лучший из всех когда-либо появлявшихся в залах Академии портретов» (из неподписанной статьи в «Ниве») ²⁷.

«Очень хорош <...> портрет Достоевского, в бледном и болезненно-утомленном лице которого отражается то нервное и напряженное настроение, которым проникнуты все произведения этого автора» (из неподписанной статьи в «Новом времени») ²⁸;

«Перов высоко поднялся теперь в портретном роде, и изображение Ф. М. Достоев-

РОМАН
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ»
(СПб., 1867) С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО
О. А. НОВИКОВОЙ:

«Многоуважаемой Ольге Алексеевне
от преданнейшего ей автора»

Титульный лист

Собрание В. Г. Лидина, Москва

ского — творение во всех частях капитальное» (из неподписанной статьи во «Всемирной иллюстрации») ²⁹.

Еще девять газет — столичных и провинциальных — из числа выступивших со статьями о второй Передвижной выставке дали восторженную оценку перовскому портрету Достоевского.

В Москве портрет экспонировался на третьей Передвижной выставке, открывшейся 2 апреля 1874 г. Вот что писал Г. Г. Урусов об этом произведении: «...В портретах г. Перов, по-прежнему, не имеет соперников. Портреты гг. Бородаевского и Достоевского составляют истинное украшение не только разбираемой нами выставки, но и вообще области родного искусства. Особенной силой отличается портрет г. Достоевского. Портрет этот, не говоря уже о сходстве и внутреннем выражении, совершенно живое тело, — красок нет следа» ³⁰.

Четыре года спустя — в 1878 г. — портрет был показан на Всемирной художественной выставке в Париже. Но до отправки туда отобранных произведений, они были предварительно экспонированы в петербургской Академии художеств. В обзоре этой выставки критик А. Ледаков писал: «Хороши также портреты г. Перова с гг. Бессонова и Достоевского. Блестящий колорит, всегда верный натуре, рельеф, верная передача характера изображаемого были всегда присущи даровитой кисти г. Перова, а в последних портретах все это сказалось еще сильнее» ³¹.

Отзывы иностранной печати о парижской Всемирной художественной выставке не изучены, если не считать появившейся тогда же в пяти номерах «Нового времени» обширной статьи В. В. Стасова «Наши итоги на Всемирной выставке», в которой цитировались некоторые высказывания зарубежных журналистов об экспозиции русского отдела ³². Лишь в двух из этих откликов упоминается портрет Достоевского: в статье Поля Манца в газете «Temps» говорилось, что портреты Крамского (Льва Толстого, Григоровича, Шишкина), Перова (Достоевского) «отличаются своей фактурой и особенно оригинальностью; ни один не выполнен ordinarily» ³³; по словам Стасова, «хвалит портрет Достоевского» в газете «Indépendance Belge» Жюль Кларти.

Но самую углубленную, высоко профессиональную оценку дал этому шедевру И. Н. Крамской в статье, озаглавленной «О портрете Ф. М. Достоевского» и напечатанной спустя месяц после кончины писателя.

Утверждая, что существуют только два портрета Достоевского, «о которых говорить стоит», Крамской далее писал:

«Первый портрет — живописный, написанный Перовым 10—12 лет назад, и находится в галерее П. М. Третьякова. Портрет этот не только лучший портрет Перова, но и один из лучших портретов русской школы вообще. В нем все сильные стороны художника налицо: характер, сила выражения, огромный рельеф и, что особенно редко и даже, можно сказать, единственный раз встретилось у Перова, — это колорит. Его краски всегда были свежи и сильны, все его произведения этим отличаются, но сильные краски не есть еще колорит. Решительность теней и некоторая как бы резкость и энергия контуров, всегда присущие его картинам, в этом портрете смягчены удивительным колоритом и гармониею тонов; смотря на него, положительно не знаешь, чему больше удивляться, но главным достоинством остается, разумеется, выражение характера знаменитого писателя и человека. Он так счастливо посажен, так смело взято положение головы, так много выражения в глазах и во рту и такое полное сходство, что остается только радоваться. Одно, что можно сказать нам, современникам, это то, что с Достоевского о д н о г о портрета мало. Он прожил после портрета еще много, не в смысле времени, а в смысле творческой жизни. В последние годы его лицо сделалось еще знаменательнее, еще глубже и трагичнее, и очень жаль, что нет портрета последнего времени, равного перовскому по художественным достоинствам»³⁴.

Созданное по инициативе П. М. Третьякова, это произведение явилось не только самым проникновенным изображением великого русского писателя, но и одним из наиболее прославленных полотен отечественной портретной живописи.

В архиве Третьякова сохранился документ о том, что в 1877 г. он просил своего петербургского знакомого обратиться по какому-то вопросу к Достоевскому. Это письмо искусствоведа А. В. Прахова к Третьякову 28 февраля 1877 г., в котором говорится: «У Достоевского я не успел еще побывать, так как 1, 2 и 3 неделю поста лежал больной»³⁵. В связи с чем Прахов должен был по просьбе Третьякова повидать писателя, неизвестно.

На протяжении 1879 г. в девяти номерах «Русского вестника» печатались «Братья Карамазовы» (до 9-й книги III части романа). Читали это последнее капитальное творение писателя Третьяков и его жена Вера Николаевна. В дневнике ее имеется такая запись, сделанная в Москве 5 ноября 1879 г.:

«К нам <в Ялту> приехал Павел Михайлович-папа 12 сентября и прожил с сыном до 23 сентября. С ним наша жизнь оживилась, он был душой нашей семьи; читала я с ним „Братьев Карамазовых“ Достоевского (<...>) Эти сочинения послужили мотивом для долгих бесед его со мной и сблизили нас еще на столько степеней, что почувствовали еще большую любовь друг к другу. Я благословляю в памяти это путешествие, которое дало уяснить много вопросов в жизни»³⁶.

В следующем году состоялось знакомство Третьяковых с Достоевским. Произошло это на торжественном «думском» обеде, устроенном от имени города 6 июня 1880 г. в честь депутатов, прибывших в Москву на торжество открытия памятника Пушкину. Вот что записала по этому поводу 5 июля того же года в своем дневнике В. Н. Третьякова:

«На обеде этом познакомилась с Достоевским Фед<ором> Михайловичем, который сразу как бы понял меня, сказав, что он верит мне, потому что у меня и лицо и глаза добрые, и все то, что я ни говорила ему, все ему было дорого слышать как от женщины. Собирались мы сесть вместе за обедом, но, увидев, что я имела уже назначенного кавалера, Тургенева, он со злобою удалился и долго не мог уговориться от этой неудачи. Обед прошел оживленно. Мой собеседник Ив<ан> Серг<еевич> был разговорчив. Он взял на память мои цветы — ландыши и хотел засушить их на память. На мое заявление, что я люблю его „Фауст“, он хотел рассказать мне тот факт, который дал повод ему написать его „Фауста“. Напомню ему когда-нибудь это. Обещал он

непрерывно быть у меня в Куракине вместе с Яков(ом) Петров(ичем) Полонским (...). Во время обеда я вспомнила о Достоевском и желала дать ему букет лилий и ландышей с лаврами, который напоминал бы ему меня — поклонницу тех чистых идей, которые он проводит в своих сочинениях и которые помогают человеку быть лучше. При свидании с ним я отдала ему букет, „чистый, белый, как чисты его идеи“. Он обрадовался им потому, что я вспомнила о нем за обедом, сидевши рядом с его литературным врагом — Тургеневым.

Он нервно мялся на одном месте, выговаривая все свое удовольствие за внимание мое к нему, и на мою мысль, что цель человека — усовершенствовать себя, свою душу, и что он помог нам — т. е. мне, мужу и воспитательнице моих детей Наталье Васильевне стать на несколько ступеней выше, он ответил: "Да, надо молитвенно желать быть лучше! Запомните это слово, оно как раз верно выражает мою мысль, и я его сейчас только придумал". Фед(ор) Михайл(ович) захотел поцеловать мне руку, да сказал, что это не делается в большом собрании, но все-таки, пройдя шагов пять, поцеловал мне руку с благодарностью и, как после оказалось, с благоговением; говорив с Григоровичем обо мне, Ф(едор) М(ихайлович) восхищался мной. Право, ведь и редки такие ласковые встречи, как моя с ним. Он человек больной, болезненно самолюбивый, и мог сесть прямо к женщине, с которой у него не было неприятного прошлого, а встретились мы с ним весьма сердечно, ласково. Он хотел непременно быть у нас, взял у Григоровича наш адрес на дачу, но вскоре выехал в Рузу, и Паша не застал его уже в Москве. Посмотрим, может быть, на возвратном пути, не заедет ли он к нам, я же постараюсь заехать к нему в Петербурге, когда буду там (...).

Иван Сергеевич Аксаков беседовал со мной о Достоевском, о том, что он будет читать завтра на заседании Общества российской словесности, и что, сказав о Пушкине как о народном поэте, он хотел дать важное место его няне как воспитательнице и няне-рассказчице, наполнявшей картинами его фантазию (...).

Знакомство мое с Достоевским было 6 июня, и в другой раз я с ним не видалась. Муж слышал от Григоровича, что Ф(едор) М(ихайлович) непременно собирался к нам или на дачу или в Толмачи, только, во всяком случае, не хотел уезжать, не повидавшись с нами и не простившись. Паша заехал к нему в гостиницу, но не застал, он уже уехал в Старую Руссу. Мы пожалели³⁷.

11 июня Достоевский возвратился из Москвы в Старую Руссу «ужасно усталый». Тем не менее уже через день он посылает В. Н. Третьяковой следующее письмо:

Старая Русса
13 июня 80

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,

Простите, что, уезжая из Москвы, не успел лично засвидетельствовать вам глубочайшее мое уважение и все те отрадные и прекрасные чувства, которые я ощутил в несколько минут нашего коротковременного, но незабвенного для меня знакомства нашего. Говорю о «прекрасных» чувствах из глубокой к вам благодарности, ибо вы заставили меня их ощутить. Встречаясь с иными существами (о, очень редкими) в жизни, сам становишься лучше. Одно из таких существ — вы, и хоть я мало вас знаю, но уже слишком довольно узнал, чтоб вывести такое заключение. Тогда, 6-го числа, дал слово себе: не уезжать из Москвы, не повидавшись с вами и не простившись, но все дни, вплоть до 8-го, я был занят день и ночь, а 9-го, в последний день в Москве, у меня явилось вдруг столько неожиданных хлопот по помещению моей статьи, ввиду трех на нее конкурентов, — что буквально ни одной минуты не осталось времени. 10-го же я непременно должен был выехать. Но да послужат перед вами эти несколько строк свидетельством, как дорожу я знакомством и добрым отношением ко мне такого прекрасного существа, как вы; простите за «прекрасное существо», но такое вы на меня произвели глубокое, доброе и благодарное впечатление.

А теперь примите уверение в самых искренних и теплых чувствах моих к вам и в самом глубочайшем уважении, которое я когда-либо имел счастье ощущать к кому-нибудь из людей.

Всегдашний и искренний ваш почитатель

Ф. Достоевский

Старая Русса
Ф. М-чу Достоевскому

Р. S. Простите за поправки в письме. Не умею написать без них. Не считите за небрежность ³⁸.

Ответное письмо В. Н. Третьяковой гласило:

Глубокоуважаемый Федор Михайлович!

Как стану я благодарить вас за тот праздник, который вы доставили мне вашим дорогим письмом? Словами я не в силах благодарить, их неостанет для выражения моей благодарности вам, а скажу только, что я была счастлива тот день, да и семья моя радовалась со мной вместе: моя радость была ее радостью, меня поздравляли как бы я была именинница. Поверьте мне, насколько я была довольна знакомством с вами, ласковым обращением вашим со мной и тем, что я услышала от вас дорогие слова в подтверждение моим стремлениям. „Надо молитвенно желать быть лучше — это цель нашей жизни“, — сказали вы. Разумеется, я не забуду эти слова, во-первых, потому, что они сказаны были вами, а во-вторых, потому, что они дороги мне своим нравственным смыслом.

Разумеется, я жалею, что не имела случая еще раз повидаться с вами, многоуважаемый Федор Михайлович, и попросить вас к себе на дачу.

Горько сожалела я также, что мне не пришлось быть на заседании в воскресенье днем, и тем лишила себя счастья слышать вас; зато бесконечно порадовалась я за мужа своего, который слышал вас и, переполненный восторгом, вернулся к нам на дачу и рассказал все, что произошло в этом заседании. Скажу одно на это: ваш праздник был нашим семейным праздником.

Надеюсь, Федор Михайлович, что вы, когда будете в Москве, непременно навестите нас. Муж мой просит меня передать вам его глубокую благодарность за ваше письмо и шлет вам свой сердечный привет. Итак, позвольте пожелать вам, многоуважаемый Федор Михайлович, провести лето на пользу вашего здоровья и попросить вас хоть изредка вспоминать людей, чтущих вас.

Глубоко уважающая вас В. Н. Третьякова

Р. S. Перечитывая ваше дорогое письмо, Федор Михайлович, я решительно сознаюсь, что не стою и не заслужила столько ласки и похвал от вас, но обещаю стремиться к тому, чтобы быть достойной хотя десятой доли тех, коим полно письмо ваше. С благоговением буду ожидать от вас, хотя бы в далеком будущем, отрядных, дорогих строк ваших на помощь моим стремлениям.

Жму благоговейно вашу руку.

22 июня 1880 года

Ярославская ж. д. Тарасовская платформа. Куракино ³⁹

Переписав в своем дневнике текст письма Достоевского, Третьякова далее сделала такую запись:

«Какое сильное нравственное влияние произвело на меня это письмо, не было несчастней меня и в одно и то же время не было счастливей меня, что я могла пойти попросить прощения у близких мне людей, чтобы заслужить хотя долю тех ласк и похвал, коими было полно письмо Ф<едора> М<ихайловича>. Его письмо было в одно и то же время страшным бичом, потому что больно давало чувствовать мою собственную слабость и мои невольные и вольные прегрешения относительно живущих со мной. Я читала свое ответное письмо Ф<едору> М<ихайловичу> и Паше, и тете Маше, и Наталье Васильевне, они одобрили все. При чтении письма как я горько плакала от сознания своих слабостей, и, правда, страдала ужасно!

РОМАН
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»,
(т. 1, СПб., 1881)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ДОСТОЕВСКОГО:

«Глубокоуважаемой
Софье Петровне Хитрово
на память от автора»

Шмуцтитул

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

*Глубокоуважаемой
Софье Петровне
Хитрово
на память
от автора.*

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

Это время я читала вещей „Братьев Карамазовых“ Достоевского и наслаждалась психическим анализом вместе с Пашей, чувствуя как в душе все перебирается и укладывается как бы по уголкам все хорошее и мелкое. Благодаря „Братьям Карамазовым“ можно переработаться и стать лучше. Паша тоже писал письмо Ф(едору) М(ихайловичу) и получил в ответ отличное письмо с надеждой в счастливое будущее и благодарностью за память и внимание. Дороги будут нам эти письма!»⁴⁰

В бумагах Достоевского сохранилось письмо П. М. Третьякова. Вот его текст:

Милостивый государь Федор Михайлович.

Несколько раз собирался я придти к вам в Петербурге, благодарить и за портрет, и за высокое удовольствие и душевную пользу, получаемые из сочинений ваших, но боялся беспокоить и мешать вам. Здесь мне помешала болезнь быть на городском обеде; на втором же чуть пришлось пожать вам руку, так как я спешил уйти, боясь вновь простудиться.

Ваше торжество 8 июня было для меня сердечным праздником. Это лучшее украшение Пушкинского праздника. Это событие — как верно выразился И. С. Аксаков. Сегодня я пришел в гостиницу выразить вам глубокую благодарность и за 8 июня, и за все прежнее, но вы уже уехали в Старую Руссу, как мне сказали там. И вот я вслед вам шлю и благодарность, и поклон, и добрые желанья — мои и жены моей. Будьте здоровы, глубокоуважаемый Федор Михайлович, — вот чего мы более всего желаем вам.

Искренно преданный вам П. Третьяков

10 июня 1880
Москва

На конверте:
Его высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому
В Старой Руссе
Новгородской губернии⁴¹.

В ответ Достоевский написал:

Старая Русса

14 июня 80

Милостивый государь Павел Михайлович,

Простите великодушно и меня, что, быв в Москве, не заехал к вам, воспользовавшись добрым случаем к ближайшему между нами знакомству. Вчера я только что отправил письмо глубокоуважаемой супруге вашей, чтоб поблагодарить ее за прекрасное впечатление, произведенное на меня ее теплым, симпатичным ко мне участием в день думского обеда. Я объяснил в письме к ней причины, по которым я, несмотря на все желание, не мог исполнить твердого намерения моего посетить ваш дом. Прекрасное письмо ваше ко мне вдвое заставляет меня сожалеть о неудавшемся моем намерении. Будьте уверены, что теплый привет ваш останется в моем сердце одним из лучших воспоминаний дней, проведенных в Москве, — дней, прекрасных, не для одного меня: всеобщий подъем духа, вообще близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем, и Пушкин, воздвигшийся как знамя единения, как подтверждение возможности и правды этих лучших ожиданий, — все это произвело (и еще произведет) на наше тоскующее общество самое благотворное влияние, и брошенное семя не погибнет, а возрастет. Хорошие люди должны единиться и подавать друг другу руки ввиду близких ожиданий. Крепко жму вашу руку за ваш привет и горячо благодарю вас.

Искренно преданный вам и глубоко вас уважающий

Федор Достоевский⁴²

Последняя запись о Достоевском в дневнике В. Н. Третьяковой:

«О горе! 28 января 1881 года в 8 часов 40 минут вечера скончался Федор Михайлович Достоевский (угол Кузнечного переулка и Ямской, д. 5/2). Как громом поразило меня это известие, когда я сидела в заседании Думы и услышала от Елизаветы Григорьевны Мамонтовой эту ужасную новость. Я горько, горько плачу об утрате, незаменимой в литературе, да и кроме того я познакомилась с ним на Пушкинском празднике (...) и сохраняю в себе то дорогое впечатление, которое произвел на меня сам он.

Вполне хорошо высказывают понесенное горе строки в „Новом времени“, писанные Сувориным»⁴³.

Далее В. Н. Третьякова внесла в свой дневник текст статьи А. С. Суворина «Кончина Достоевского» и стихотворение А. Л. Боровиковского «31 января 1881 года (детям)» — о похоронах Достоевского (31 января «Новое время» вышло с траурным обрамлением.)

На похоронах писателя присутствовал Третьяков. По возвращении в Москву он отправил 5 февраля 1881 г. И. Н. Крамскому письмо, в котором были такие строки: «На меня потеря эта произвела чрезвычайное впечатление: до сего времени, когда остаюсь один, голова в каком-то странном, не понятном для самого меня тумане, а из груди что-то вырвано; совсем какое-то необычное положение. В жизни нашей, т. е. моей и жены моей, особенно за последнее время, Достоевский имел важное значение. Я лично так благоговейно чтил его, так поклонялся ему, что даже из-за этих чувств все откладывал личное знакомство с ним, хотя повод к тому имел с 1872 г., а полгода назад даже очень был поощрен самим Ф<едором> М<ихайловичем>; я боялся, как бы не умалился для меня он при более близком знакомстве; и вот теперь не могу простить себе, что сам лишил себя услышать близко к сердцу его живое сердечное слово. Много высказано и написано, но сознают ли действительно, как велика потеря? Это, помимо великого писателя, был глубоко русский человек, пламенно чтивший свое отечество, несмотря на все его язвы. Это был не только апостол, как верно вы его назвали, это был пророк; это был всему доброму учитель; это была наша общественная совесть»⁴⁴.

Таковы документальные материалы об отношениях Достоевского с Павлом Михайловичем и Верой Николаевной Третьяковыми, сохранившиеся в архиве писателя, в архиве коллекционера и в его переписке.

II. ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ПИСЬМО К Н. А. ЛЮБИМОВУ

В 1919 г. бывший гофмейстер царского двора и сенатор Д. Н. Любимов перед отъездом из Петрограда за границу отдал в Пушкинский Дом замечательную коллекцию автографов, размещенную в четырех огромных альбомах и в такой же увесистой папке. В основе этой коллекции были письма выдающихся русских литераторов, адресованные отцу дарителя — публицисту и профессору физики Московского университета Н. А. Любимову, являвшемуся на протяжении двадцати лет — с мая 1863 г. до ноября 1882 г. — одним из редакторов журнала «Русский вестник». М. Н. Катков, возглавлявший это издание с 1856 г., стал в 1863 г. владельцем «Московских ведомостей». Сделав вскоре эту газету рупором наиболее реакционных правительственных кругов, он уделял ей очень много времени (так, лишь напечатанные в «Московских ведомостях» с 1863 до 1887 г. — года смерти Каткова, написанные им или при его непосредственном участии передовые статьи, были впоследствии выпущены в двадцати пяти больших томах, объем которых превышал 18000 страниц⁴⁵). Поэтому Катков передал деловое руководство «Русским вестником» Н. А. Любимову, оставаясь редактором-издателем, т. е. идейным и финансовым главой журнала.

Здесь печатали свои произведения лучшие писатели того времени: Л. Н. Толстой — «Казак», «Поликушка», «Война и мир» («Тысяча восемьсот пятый год»), «Анна Каренина»; И. С. Тургенев — «Накануне», «Отцы и дети», «Дым»; М. Е. Салтыков-Щедрин — «Губернские очерки»; А. Н. Островский, Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский. В «Русском вестнике» появились романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Естественно, что в числе автографов, собранных Н. А. Любимовым, были письма всех этих и многих других литераторов⁴⁶. Что же касается Достоевского, то в альбомах, кроме наборных рукописей некоторых частей «Преступления и наказания», а также «Дневника писателя», оказались тридцать пять его писем, из которых тридцать были адресованы Н. А. Любимову, четыре — М. Н. Каткову и одно — в редакцию «Русского вестника». Все эти письма Достоевского впервые опубликовал в 1919 и 1920 гг. Б. Л. Модзалевский в №№ 14 и 15 журнала «Былое». Позднее А. С. Долинин назвал письма к Н. А. Любимову, наряду с письмами Достоевского к жене, циклами «особенно ценными»⁴⁷.

Но в альбомах, которые были переданы в 1919 г. в Пушкинский Дом, находились не все письма Достоевского к Любимову. По-видимому, адресат дарил друзьям автографы Достоевского. Лишь этим можно объяснить тот факт, что некоторые из таких писем приобрел Ф. Г. Шилов, известный петербургский книготорговец, с 1905 г. имевший собственный магазин на Литейном проспекте, а в послереволюционные годы руководивший одним из крупных ленинградских букинистических магазинов. Вот что он пишет в своих воспоминаниях. «О том, как нуждались Достоевские, я знаю из писем Федора Михайловича к Любимову — секретарю «Московских ведомостей». У меня было много этих писем, в которых Достоевский просил денег, иногда даже очень мелкие суммы»⁴⁸. Два письма Достоевского к Любимову в послереволюционные годы приобрел А. А. Бахрушин, создатель Театрального музея в Москве; затем они перешли в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. А третье такое письмо в 1930-х годах было подарено А. Б. Гольденвейзеру одним из его друзей⁴⁹. Как было сказано выше, полный текст этого письма до сих пор не опубликован, в печати появился лишь отрывок, в копии хранившийся в архиве А. Н. Майкова, причем об адресате было сказано, что он неизвестен⁵⁰. Здесь мы впервые приводим полностью это письмо Достоевского к Н. А. Любимову 16 ноября 1866 г. (автограф ныне хранится в Музее-квартире А. Б. Гольденвейзера — филиале Центрального государственного музея музыкальной культуры). Но прежде, чем привести это письмо, скажу вкратце, чем оно было вызвано.

С первой книги 1866 г. «Русский вестник» начал печатать «Преступление и наказание»; продолжение романа появилось в февральском, апрельском, июньском, июльском и августовском номерах. С завершением романа Достоевский запаздывал, к тому же ему хотелось видеть окончание в двух последних книгах журнала за этот год.

2 ноября 1866 г. он спрашивал Любимова: «...не лучше ли будет, многоуважаемый Николай Алексеевич, если вся 3-я часть романа будет напечатана в 2-х №, в 11-м и 12-м, то есть, если только возможно, в X-м № не помещать (объявив, впрочем, публике, что в следующих 2-х №, т. е. в настоящем году, непременно будет кончено „Преступление и наказание“)». В том же письме Достоевский просил передать М. Н. Каткову его просьбу о присылке пятисот рублей⁵¹.

Вот ответ Н. А. Любимова (публикуется впервые)⁵²:

Милостивый государь Федор Михайлович!

Я передал Михаилу Никифоровичу ваше желание, и он очень согласен его исполнить. На днях вы получите перевод на 500 руб. с<еребром> согласно вашему желанию. Относительно присылки романа поступайте как найдете лучше сами. Присылайте по мере отработки. Помещение можно отложить до XI №, объявив, как вы пишете, публике. Во всяком случае надеемся скоро читать продолжение и окончание вашего романа, всеми признанного замечательным произведением и производящего такое впечатление.

С истинным почтением Н. Лю б и м о в

Ноябрь 7 1866

Ответом на это письмо Любимова (а также еще на одно — несохранившееся — по тому же поводу) и явилось письмо Достоевского, которое находится в Музее-квартире А. Б. Гольденвейзера:

Петербург. Ноябрь 16 <18> 66

Милостивый государь Николай Алексеевич,

С благодарностью уведомляю вас, что имел чрезвычайное удовольствие получить оба ваши, слишком лестные и обязательные для меня письма. Я написал вам тогда второй раз потому, что после первого моего письма, в котором заключалась моя просьба, получил из редакции вторичный запрос о высылке романа.

Работаю неутомимо и буду доставлять, по распоряжению вашему, по мере приготовления.

Не могу удержаться, чтобы не написать вам об одном литературном известии, хотя бы меня сочли сплетником. А. Н. Майков написал драматическую сцену, в стихах, листа в полтора печатных (не менее, может, и более). Это произведение можно назвать, безо всякого колебания, chef d'oeuvre'ом и з в с е г о т о г о, что он написал. Оно называется «Странник». Три лица, все трое раскольники бегуны. Еще в первый раз в нашей поэзии берется тема из раскольниковьего быта. Как это ново и как это эффектно! И какая сила поэзии. Я слышал ее на разных чтениях (в домах) и не устаю слушать, но каждый раз открываю новое и новое. Все в восторге. Он будет читать ее здесь на юбилей Карамзина (от Литературного фонда). Изучение быта и сущности его и учений — глубокое и богатое. Много нового. Он мне говорил сам, что на этой неделе едет в Москву предложить это произведение редакции «Русского вестника». Он никому не хочет иначе. Во всяком случае — это богатое приобретение в нашей поэзии.

Примите уверение моего глубочайшего уважения.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский

Обе просьбы Достоевского были выполнены: редакция «Русского вестника» прислала ему пятьсот рублей, а читателей информировали о дальнейшей публикации романа. Это извещение напечатали в десятой книге, на цветной обложке под ее оглавлением: «Продолжение романа „Преступление и наказание“ будет помещено в следующей книге». И действительно, окончание романа было дано в ноябрьском и декабрьском номерах за 1866 г.

Рекомендация Достоевского возымела силу: в январской книге «Русского вестника» за следующий год был напечатан «Странник» — так назвал А. Н. Майков первую часть своей поэмы «Жаждающий», которая осталась незавершенной.

Несмотря на сложные, подчас драматические отношения Достоевского с «Русским вестником», его переписка с Любимовым, которого он называл «редактор-исполнитель»⁵³, отличалась ровным деловым тоном. Но случалось так, что редакторское вмешательство Любимова в представленные писателями рукописи вызывало к нему резко отрицательное отношение. Именно таким оно было со стороны Н. С. Лескова, печатавшего в «Русском вестнике» с октября 1870 г. и на протяжении всего 1871 г. антиингилистический роман «На ножах». Каков был характер тщательной редактурной работы Любимова, остается неизвестным, так как до сих пор исследователи не сравнивали журнальный вариант с отдельным авторским изданием. Но редакторская работа Любимова над рукописью перед печатанием романа в «Русском вестнике» не пришлась по душе Лескову. Вот что он писал 19 декабря 1870 г. публицисту реакционного направления П. К. Щербальскому, редактору газеты «Варшавский дневник»: «Скромностью Н. А. Любимова вы напрасно кичитесь (с его слов, разумеется). Это просто ужасный человек, Атилла, бич литературы!» Далее приводя несколько примеров редакторских сокращений и изменений, сделанных Любимовым в журнальной публикации романа, Лесков пишет: «Отчаяние полное и бесконечное! Я готов бросить роман недописанным, потому что все равно боюсь, что сей профессор с его резвыми руками совсем меня спутает»⁵⁴.

Свои произведения, печатавшиеся в «Русском вестнике», Достоевский по требованию редакторов журнала подвергал порой изменениям и почти всегда принужден был соглашаться с их предложениями.

III. ЗАПИСКА ДОСТОЕВСКОГО В КОЛЛЕКЦИИ К. А. ФЕДИНА

В небольшой коллекции автографов писателей прошлого века, собранной К. А. Фединым, имеются две записки Достоевского. Одна из них, адресованная С. М. Лободы, не издана. О том, что Достоевский писал ей, до сих пор не было никаких сведений.

Писательница Стефания Матвеевна Лобода выступала в печати под псевдонимом «С. Крапивина». Ряд ее рассказов и очерков Достоевский напечатал в «Гражданине», будучи его редактором-издателем. Посылая 2 октября 1873 г. редактору-распорядителю этого еженедельника князю В. П. Мещерскому статью одного офицера, Достоевский писал: «Завтра я у вас ее возьму с вашим мнением и, может быть, отправлю в типографию — если подыщу, рядом с этим, другой рассказик строк в 400 у г-жи Лободы»⁵⁵. Речь здесь идет о рассказе «Ты и Вы (из заметок одной дамы)», напечатанном в № 41 «Гражданина», вышедшем 8 октября того же года. В январе 1874 г. Достоевский писал метранпажу М. А. Александрову, работавшему в типографии Траншеля, где печатался «Гражданин»: «В самом крайнем случае можно было бы пустить „Сердечный метод“, если он не разобран, но только в самом крайнем случае»⁵⁶. Здесь имеется в виду рассказ Лободы, появившийся в еженедельнике № 7, 18 февраля 1874 г.

Вскоре вышло издание «Складчина», в подзаголовке которого было указано: «Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии». Все авторы печатали здесь свои произведения безвозмездно. Достоевский предоставил для сборника очерк «Маленькие картинки (в дороге)». 28 марта «Складчина» вышла в свет, а две недели спустя Достоевский получил от С. Лободы письмо (публикуется впервые)⁵⁷:

9 апреля 1874 г. СПб.

Извините, ради бога, что попрошу вас снизойти к моему незнанию всего, что происходит в литературном мире (кроме «Гражданина», не получаю ровно никаких газет и книг).

Вчера я прочла в «Гражданине», что «Складчина» уже неделю как вышла в свет. Достать мне ее не от кого и негде, а купить — и того более; а потому, прошу вас не откажите написать на прилагаемом бланке только два слова: напечатано ли в «Складчине» то, что я в нее отослала?

Если не напечатано, то попрошу возвратить мне рукопись: чернового у меня нет, а я ею дорожу и потому еще, что очень понравилась М. П. Погодину.

Глубокоуважающая вас С. Л о б о д а

Просто идохнуть некогда — столько работы, слава богу!

Ответ на это письмо последовал на открытке, хранящейся теперь в коллекции К. А. Федина (публикуется впервые):

В «Складчине» вашей статьи нет; рукопись же не у меня, а вероятно, там, куда вы ее доставили. Я в редакции «Складчины» не участвовал. Полагаю, что пропасть не может.

Ваш глубокоуважающий

Ф. Д о с т о е в с к и й

10 апреля/74.

На оборотной стороне открытки:

По Знаменской улице дом № 28/10, кв. № 17-й.

Стефании Матвеевне Лободѣ

Могли быть и другие письма Достоевского к С. М. Лободѣ, так как сохранились еще четыре ее письма к нему. Но о существовании таких писем Достоевского ничего не известно.

Второй автограф Достоевского в коллекции К. А. Федина — это записка к метранпажу М. А. Александрову, датированная 28 ноября 1877 г. Она издана в четвертом томе писем Достоевского (с неточным указанием, что автограф записки находится в собрании Ю. А. Бахрушина).

IV. ДВЕ ЗАПИСКИ К МЕТРАНПАЖУ М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

Весьма радикально правил Достоевский не только написанное им самим, но и рукописи других авторов, поступавшие в журналы, которые он редактировал. В те времена из-за отсутствия пишущих машинок все набиралось с рукописи, и Достоевский хорошо знал о нелегком труде типографских рабочих. Поэтому, когда он принял на себя с конца 1872 г. редакторство «Гражданина», велика была его признательность наборщику и метранпажу М. А. Александрову, человеку терпеливому, трудолюбивому и культурному. Когда в конце 1875 г. Достоевский приступил к изданию «Дневника писателя», он поручил полиграфическую работу по этому журналу типографии, где тогда служил Александров. Вдобавок метранпаж владел пером и с молодых лет выступал в различных периодических изданиях. Так, в 1874 г. можно было прочитать в четырех номерах «Гражданина» его мемуарный очерк «Из воспоминаний простого человека. Мой учитель». А после смерти Достоевского Александров сказал о нем умное и доброе слово в воспоминаниях, которые напечатал в №№ 4 и 5 «Русской старины» за 1892 год. Здесь же Александров привел тексты некоторых адресованных ему записок Достоевского, связанных с типографскими делами по «Гражданину» и «Дневнику писателя». В четырехтомнике напечатано 58 записок Достоевского к Александрову. В дополнение к этому можно привести тексты еще двух записок, оставшихся неизданными; их обнаружила Г. Ф. Коган в фонде В. Я. Богучарского, хранящемся в отделе рукописей Государственного литературного музея.

Текст первой из этих записок гласит:

Люб(езный) Александров, я из корректуры кое-что исключил, но полагаю не нарушил ваших расчетов, и в этом виде более 400 <строк>.

Все вычеркнутые строки исключить н е п р е м е н н о .

Прошу вас о ч е н ь доставить прилагаемую при сем записку князю. О ч е н ь н у ж н о е .

Ваш Д о с т о е в с к и й

(Я поправлял по князевой же корректуре).

РОМАН «БЕСЫ»

Обложка издания на португальском языке

(Рио де Жанейро, 1952)

На записке карандашом рукою Александрова: «1873».

Датировать ее можно точно: по всем данным — записка связана со статьей Достоевского «Иностранные события», появившейся 17 сентября 1873 г. в № 38 «Гражданина». До публикуемой нами записки писатель отправил Александрову другую, которая датируется 15 сентября 1873 г. В ней говорится: «Люб(езный) Александров, вместо 250 строк, я написал, кажется, до 500. Уменьшить н и ч е г о не могу. Как же быть? Непременно надо найти место и решить поскорее»⁵⁸. По-видимому, на следующий день статья была набрана, гранки отосланы Достоевскому, он «из корректуры кое что исключил», а еще день спустя, 17 сентября, этот номер «Гражданина» появился в свет. Значит впервые печатаемую записку следует датировать 16 сентября 1873 г. Судьба записки к Мещерскому, одновременно посланной Александрову, неизвестна: в четырехтомнике ее нет.

Во второй записке, сохранившейся в бумагах В. Я. Богучарского, писатель просил Александрова:

Любез(ный) Михаил Александрович.

Вот текст. Ради бога скорее корректуру (часа бы в три, в четыре) и ради бога рассчитайте мне страницы. Кажется, осталось [одна] три страницы или $2\frac{1}{2}$, но всего бы лучше знать в самом точном виде.

Очень прошу вас.

Ф. Достоевский

3 марта

На записке карандашом рукою Александрова: «1877».

Судя по содержанию, дело касалось подготовки к печати февральского номера «Дневника писателя» 1877 г. За день до отправки той — новонайденной — записки Достоевский послал Александрову 2 марта другую, в которой говорилось: «... вот вам

всего только 4 странички. Наберите, но цензору раньше дальнейшего окончания статьи нельзя посылать <...>. Завтра, может быть, дам еще текст»⁵⁹. Публикуемая здесь впервые записка Достоевского, отправленная Александрову 3 марта, начинается словами: «Вот текст...» А еще день спустя, 4 марта 1877 г., было получено цензурное разрешение на печатание февральской книжки «Дневника писателя».

Вполне возможно, что в дальнейшем обнаружатся и другие записки Достоевского к Александрову, до сих пор не опубликованные. Такой вывод можно сделать, в частности, из воспоминаний антиквара Ф. Г. Шилова, где сказано: «Случайно мною были приобретены около тридцати записок Достоевского к метранпажу типографии А. Траншеля, где печатался редактировавшийся Достоевским „Гражданин“ с „Дневником писателя“ за 1873—1874 годы». Так как Шилов, желая выручить более значительную сумму за эти записки, продавал их по одной-две, то не исключено, что некоторые из тех, которые и ныне пребывают в частном владении, в печати остаются неизвестными⁶⁰.

В ЦГАЛИ хранится оттиск из № 4 «Русской старины» за 1892 г. под заглавием «Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика М. А. Александрова», с авторскими исправлениями и добавлениями. На обложке надпись: «Анне Григорьевне Достоевской на память от глубокоуважающего и преданного ей автора».

В этот оттиск Александров внес, по-видимому, то, что в редакции «Русской старины» сократили. Один такой отрывок сняли после абзаца, где мемуарист писал о Достоевском: «...Он просил меня выручать его при случае, то есть навестывать в типографии могущие случиться за ним просрочки в присылке оригинала, и мне неоднократно приходилось исполнять эту просьбу». Завершался же напечатанный абзац словами, что в качестве редактора-издателя «Дневника писателя» Достоевский «опаздывал нередко», в то время как «типографии надо было иметь время на набор, корректуру типографии, корректуру автора, после которой Федор Михайлович только и допускал посылку корректуры к цензору, которого торопить, как известно, не полагается, верстку и затем опять корректуру автора и корректуру типографии и, наконец, печатание»⁶¹. Далее следовали строки воспоминаний Александрова, до сих пор не напечатанные:

«Много нужно было личной симпатии и уважения к издателю этого маленького и потому мало дающего заработка, но очень беспокойного журнала, чтобы отдавать все необходимое ему внимание, какое требовалось для тщательного его воспроизведения и выпусков в желаемые сроки — не жертвуя „Гражданину“ — журналу еженедельному, солидному в смысле заработка, и обусловленно срочному. Мудрено было в небольшой типографии организовать работу так, чтобы при полном отсутствии работы для „Дневника писателя“ в первые три недели каждого месяца, проделать всю вышеприведенную процедуру рабочую в последние полторы недели. Но симпатии и уважения к Федору Михайловичу и его делу у меня было много, и потому я все это делал для него».

Как хорошо эти строки характеризуют душевное отношение к Достоевскому рабочего человека — наборщика и метранпажа М. А. Александрова.

V. ДВА ПИСЬМА К К. К. РОМАНОВУ И РАССКАЗ О КАЗНИ МЛОДЕЦКОГО

Необычайно широким был круг знакомых — и тем самым корреспондентов — Достоевского. И если в предыдущей главке впервые опубликованы две его записки к типографскому рабочему, то сейчас мы вводим в научный оборот два обращения Достоевского к члену царской фамилии, — великому князю Константину Константиновичу, внуку Николая I. Эти два письма, как и дневник К. К. Романова, хранятся среди других его бумаг в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР⁶².

В. к. Константин Николаевич, отец Константина Константиновича, с 1855 г. управлявший флотом и морским министерством на правах министра, а с 1865 г. председатель Государственного Совета, был знаком со многими выдающимися русскими писателями. К его помощи, когда требовалось облегчить участь русских революционеров, прибегал И. С. Тургенев, хотя относился к нему весьма отрицательно. После того как Константин Николаевич посетил писателя в Париже и «рассыпался в любезностях» перед ним и Полиной Виардо, Тургенев сделал в дневнике запись, которую завершил словами: «Но какая, в сущности, ничтожность!»⁶³.

Сын Константина Николаевича Константин с молодых лет не только был знаком и встречался с литераторами, но и сам писал и печатал — под инициалами К. Р. — стихи, критическую прозу; его перу принадлежит драма «Царь Иудейский», текст песни «Умер бедняга в больнице военной», получившей широкое распространение. Многие выдающиеся представители культурного мира России ценили в Константине Константиновиче его любовь к литературе и музыке. Сохранилось письмо И. А. Гончарова к А. А. Фету о Константине Константиновиче, где сказано: «У него в натуре так много задушевной искренности, сочувствия к людям и природе, так много страстности к поэзии, что он может стать образцовым лириком, если условия его быта не задержат роста его сил»⁶⁴. П. И. Чайковский, познакомившись с ним 19 марта 1880 г., писал на следующий день Н. Ф. фон Мекк: «Это молодой человек двадцати двух лет, страстно любящий музыку и очень расположенный к моей. Он желал со мной познакомиться <...> Впрочем, юноша оказался чрезвычайно симпатичным и очень хорошо одаренным к музыке. Мы просидели от девяти часов до двух ночи в разговоре о музыке»⁶⁵. Чайковский считал Константина Константиновича талантливым поэтом⁶⁶, а впоследствии написал на его стихи шесть романсов, которые посвятил автору, а также хор на слова К. Р.

За два года до знакомства с композитором К. К. Романов встретился с Достоевским. Произошло это 21 марта 1878 г. в доме в. к. Сергея Александровича, четвертого сына Александра II. В тот же день Константин Константинович внес в свой дневник следующую запись: «Я обедал у Сергея. У него были К. Н. Бестужев-Рюмин⁶⁷ и Федор Михайлович Достоевский. Я очень интересовался последним и читал его произведения. Это худенький, болезненный на вид человек, с длинной редкой бородой и чрезвычайно грустным и задумчивым выражением бледного лица. Говорит он очень хорошо, как пишет» (публикуется впервые, как и приведенные ниже другие отрывки из этого дневника).

Следующая запись дневника, связанная с Достоевским, была сделана 9 марта 1879 г.: «Достал я „Идиота“ Достоевского. Когда читаешь его сочинения, кажется будто с ума сходишь. Я это еще и на „Светлане“ испытал, читая „Преступление и наказание“. Хорошо!»

Спустя шесть дней после этой записи Константин Константинович послал Достоевскому приглашение: «Многоуважаемый Федор Михайлович, я буду очень рад и благодарен вам, если вы не откажетесь провести у меня вечер завтра, 16-го марта, начиная с 9 ч. вы встретите знакомых вам людей, которым, как и мне, доставите большое удовольствие своим присутствием. Преданный вам К о н с т а н т и н»⁶⁸. В тот же день Достоевский ответил. Вот это письмо (тексты двух неизданных писем Достоевского к К. К. Романову сообщила А. М. Козочкина):

15 марта 1879 г.

Ваше императорское высочество, я в высшей степени несчастен, будучи поставлен в совершенную невозможность исполнить желание ваше и воспользоваться столь лестным для меня предложением вашим.

Завтра, в пятницу, 16 марта, в 8 часов вечера, как нарочно, назначено чтение в пользу Литературного фонда.

Билеты были разобраны публикою все еще прежде объявления в газетах, и если б я не мог явиться читать объявленное в программе учредителями фонда, то они, из-за моего отказа, принуждены бы были воротить публике и деньги.

Повторяю вам, ваше высочество, что чувствую себя несчастным. Я со счастьем думал и припоминал все это время о вашем приглашении прибыть к вам, высказанном мне у его императорского высочества Сергея Александровича, и вот досадный случай приготовил мне такое горе!

Простите и не осудите меня, примите благосклонно выражение горячих чувств моих, а я остаюсь вечно и беспредельно преданный вашему высочеству покорный и преданный слуга ваш

Федор Достоевский

Действительно, 16 марта 1879 г. в Петербурге в зале Благородного собрания (ныне помещение Ленинградской филармонии) состоялся вечер в пользу Литературного фонда, на котором Достоевский выступил с чтением отрывка «Рассказ по секрету» из «Братьев Карамазовых»; на том же вечере Тургенев в первом отделении прочел рассказ «Бирюк», а во втором отделении вместе с М. Г. Савиной читал сцену из пьесы «Провинциалка»⁶⁹.

21 марта того же 1879 г. Достоевский получил следующую записку: «Многоуважаемый Федор Михайлович, буду очень рад вас видеть завтра 22-го в 9 1/2 ч. вечера. Прошу вас не стесняться отказом, если вам этот [день сколько-нибудь] неудобен. Ваш Константин»⁷⁰.

В тот же день последовал ответ:

21 марта 1879 г.

Ваше императорское высочество,
завтра в 9 1/2 часов буду иметь счастье явиться на зов вашего высочества.

С чувством беспредельной преданности всегда пребуду вашего высочества вернейшим слугою

Федор Достоевский

Лаконичную запись об этой встрече, состоявшейся в Мраморном дворце, Константин Константинович внес в дневник 22 марта: «Вечером были у меня Ф. М. Достоевский и И. Е. Андреевский. Очень хороший и интересный был вечер».

В том же дневнике имеются две записи, сделанные в следующем месяце: «Тороплюсь одолеть „Идиота“ перед путешествием» (10 апреля); «Теперь же надо докончить укладку собственных вещей и дочитать „Идиота“. Славная вещь этот „Идиот“. Как выпукло и психически все характеры выставлены; немало помучился над ним Достоевский» (11 апреля). Еще одно упоминание о Достоевском сделано в дневнике 11 ноября 1879 г.: «Вечером был у Annette Комаровской; кроме меня там находился Н. Ф. Соколов; он читал нам последнюю часть „Братьев Карамазовых“. Есть блестящие места, но первые части лучше».

В 1880 г. Константин Константинович внес в дневник шесть записей о Достоевском. Запись от 26 февраля гласит:

«Сегодня у нас предполагается вечер с Достоевским и с дамами; так как мне неловко принимать дам у себя, то Мама предложила пригласить гостей в свои парадные комнаты, а сама она, по болезни, конечно, не будет показываться. Annette Комаровская и мы с братом allons faire les honneurs»^{*}.

Вечер начался в 9 ч. в угловом малиновом кабинете и прошел весьма благополучно. По выражению Льва Толстого, мы подавали Достоевского его любителям как изысканное кушанье. Графиня Комаровская пригласила Юлию Федоровну Абаза и Александру Николаевну Мухартову. Я просил Татьяну Михайловну <Лазареву>, Илью Александровича с женой, Павла Егоровича, Николая Фед<оровича> Соколова, Сергея Васильевича Никитина.

Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум. Кроме того, в нем есть что-то таинственное, он постиг что-то, что мы все <не>знаем. Он был осужден на казнь: такие минуты не многие пережил; он уже распростился с жизнью — и вдруг, неожиданно для него, она опять ему улыбнулась.

^{*} мы будем приветствовать (франц.).

Тогда кончилась одна половина его существования, и с ссылкой в Сибирь началась другая.

Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого: мне это не понравилось, мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела; но он объяснил мне, что его занимало все, что касается человека, все положения его жизни, его радости и муки. Наконец, может быть, ему хотелось повидать как везут на казнь преступника и мысленно вторично пережить собственные впечатления. Млодецкий озираясь по сторонам и казался равнодушным. Федор Михайлович объясняет это тем, что в такую минуту человек старается отогнать мысль о смерти, ему припоминаются большею частью отрадные картины, его переносит в какой-то жизненный сад, полный весны и солнца. И чем ближе к концу, тем неотвязнее и мучительнее становится представление неминуемой смерти. Предстоящая боль, предсмертные страдания не страшны: ужасен переход в другой неизвестный образ... Мне так грустно стало от слов Федора Михайловича и возобновилось прежнее желание испытать самому последние минуты перед казнью, быть помилованным и сосланным на несколько лет в каторжные работы. Мне бы хотелось пережить все эти страдания: они должны возвышать душу, смирять рассудок.

13 марта 1880 г. в дневник была внесена следующая запись:

«Описания всяких ужасов у Достоевского во мне возбуждали хотя грустное, но все же возвышающее душу чувство; тут перед кровавыми картинами Верещагина на меня находило омерзение и злоба. Единственная картина мне понравилась: это „Обоз раненых“.

Интересна запись 22 марта:

«Вчерашний вечер с Тургеневым расстроился; он несколько раз подвергался подозрениям в революционном направлении, и хотя эти предположения вовсе не основательны — нельзя напрасно делать Мама целью вздорных слухов. В утешение я затеял сегодня вечер с Достоевским, пригласил Евгению, Варвару Ильинишну, Татьяну Михайловну. Вечер был в малиновом кабинете Мама, а приглашения я рассылал ее именем, хотя она сама не могла показаться по болезни. Евгения была очень довольна Достоевским, проговорила с ним весь вечер. Сергей остался очень доволен».

Запись от 8 мая 1880 г.:

«Устроил у себя вечер с Федором Михайловичем Достоевским. Цесаревна слышала его чтение на каком-то благотворительном концерте, осталась в восторге и пожелала познакомиться с Ф. М. Я предложил ей вечер. Пригласил Елену Шереметеву, Евгению, Марусю, попросил Федора Михайловича привезти книги и прочесть что-нибудь из своих произведений.

Все из званных были, кроме Сергея, не знаю, что его задержало.

Ф. М. читал из „Карамазовых“. Цесаревна всем разлила чай; слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф. М. прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел „Мальчика у Христа на елке“. Елена плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У цесаревны глаза тоже подернулись влагой».

Краткая запись была сделана 7 июня:

«Читаю Оле „Бедные люди“ Достоевского».

И, наконец, 12 августа 1880 г.:

«Вышел единственный номер за нынешний год „Дневник писателя“ Достоевского».

На этом кончаются записи в дневнике Константина Константиновича, связанные с Достоевским.

В своих воспоминаниях А. Г. Достоевская пишет

«Это был в то время юноша, искренний и добрый, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному в родной литературе. Федор Михайлович провидел в юном великом князе истинный поэтический дар и выражал сожаление, что великий князь избрал, по примеру отца, морскую карьеру, тогда как, по мнению мужа, его деятельность должна была проявиться на литературной стезе»⁷¹.

Следует отметить, что будучи в 1902 г. президентом Академии наук, Константин Константинович участвовал в избрании А. М. Горького в почетные академики Разряда

язычной словесности в соединенном заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук и Разряда изящной словесности, а также санкционировал это избрание. Через несколько дней Николай II по представлению министерства внутренних дел отменил выборы, дав соответствующее указание министру народного просвещения, которому, в частности, писал: «Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии» ⁷². О том, как тяжело реагировал Константин Константинович на это решение, можно заключить из писем выдающегося языковеда, академика А. А. Шахматова, который утверждал, что «чуткая душа» президента Академии наук очень страдала в это время, что «сам он сконфужен» ⁷³. Но не в его силах было противодействовать решительному приказанию царя.

Письма Достоевского и записи о нем в дневнике К. К. Романова существенно дополняют наши представления о взаимоотношениях писателя с правительственными кругами, с представителями царствующего дома. Несмотря на то что Достоевский в письмах к К. К. Романову не избегал некоторого оттенка верноподданничества, типичного для посланий подобного рода, он и здесь сохраняет независимость и чувство собственного достоинства. Писатель отказывается от визита к великому князю, так как в этот вечер обещал участвовать в публичных чтениях в пользу Литературного фонда. Когда же Достоевский читал свои сочинения во дворце, он надеялся, видимо, оказать моральное воздействие на своих слушателей. Восторги и слезы, вызываемые его чтением, например, рассказом «Мальчик у Христа на елке», где с большой художественной силой воплощен контраст между счастливой праздностью обитателей роскошного особняка и трагедией умирающего нищего мальчика, вероятно, поддерживали эти его иллюзии.

Особый интерес среди дневниковых записей К. К. Романова представляет сообщение о присутствии Достоевского на казни И. О. Млодецкого. До сих пор был известен лишь сам этот факт. Млодецкий, связанный с народовольцами, совершил покушение на М. Т. Лорис-Меликова 20 февраля 1880 г., через несколько дней после учреждения Верховной распорядительной комиссии, которую тот возглавил. 22 февраля по приговору военного суда Млодецкий был казнен. Об этом Александр II сделал характерную запись в памятной книжке: «Млодецкий повеш(ен) в 11 ч. на Семеновском плацу — все в поряд(ке)» ⁷⁴.

Узнав о предстоящей казни, Достоевский вспомнил то другое, тоже морозное зимнее утро на Семеновском плацу, последние минуты перед предстоящей казнью, и его потянуло еще раз увидеть все своими глазами. Никогда Достоевского не оставляли воспоминания о том, что он пережил 22 декабря 1849 г., когда ему и товарищам по делу Буташевича-Петрашевского был зачитан на том же плацу приговор о смертной казни расстрелянием, а затем была произнесена команда к расстрелу. Эти воспоминания всегда жили в нем, и неожиданно прорывались то в описании самочувствия Раскольниковых, то в рассказе князя Мышкина. Но дело не только в психологическом потрясении, которое осталось в памяти Достоевского. Его мучительно волновали судьбы новых поколений революционеров, он не признавал смертную казнь справедливым средством политической борьбы, о чем писал в последней записной книжке в связи с казнью членов Исполнительного комитета «Народной воли» А. К. Преснякова и А. А. Квятковского ⁷⁵. Известно, что другой русский писатель Всеволод Гаршин направил Лорис-Меликову письмо, умоляя о помиловании Млодецкого, но просьба осталась без ответа ⁷⁶.

Разумеется, далеко не все, что в день смерти Млодецкого пережил Достоевский, он мог объяснить своему собеседнику, но некоторые детали рассказа драгоценны, тем более, что запись сделана сразу после разговора. Характерно, например, признание, что в последние минуты перед казнью человек отгоняет от себя мрачные мысли, «ему припоминаются большею частью отрадные картины». Это совпадает с тем, что писал Достоевский брату, вернувшись в Петропавловскую крепость после обряда казни 22 декабря 1849 г.: «Вызывали по трое, след(овательно), я был во второй очереди и жить мне осталось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» ⁷⁷ Внутреннюю стойкость, способность не поддаваться отчая-

нию запомнил Достоевский в себе и узнал в «равнодушии» спокойно озиравшего толпу Млодецкого.

Далее Достоевский говорил, что в ожидании казни не страшна предстоящая боль, «ужасен переход в другой, неизвестный образ». Это, конечно, слова человека неверующего или, во всяком случае, колеблющегося в вере. Ф. Н. Львов, вспоминая процедуру казни петрашевцев, писал: «Достоевский был несколько восторжен, вспоминал „Последний день осужденного на смерть“ Виктора Гюго, и, подойдя к Спешневу, сказал: „Nous serons avec le Christ“. — „Un peu de poussière“ *, — отвечал тот с усмешкою» ⁷⁸. Но судя по рассказу, записанному К. К. Романовым, настроения и мысли Достоевского в те роковые минуты были значительно сложнее ⁷⁹.

Как мы видим, еще возможны находки и писем Достоевского к ранее неизвестным адресатам, и мемуарных записей о нем.

VI. АВТОГРАФЫ ДОСТОЕВСКОГО ЗА РУБЕЖОМ

В зарубежных странах хранится много автографов классиков русской литературы. Достаточно сказать, что творческих рукописей, писем и книг с дарственными надписями Пушкина там имеется около сорока. Сотни автографов Л. Н. Толстого находятся за границей. И, конечно, особенно велико за рубежом, и, в частности, во Франции, количество творческих рукописей, писем и книг с дарственными надписями Тургенева, поскольку он не только прожил там значительную часть своей жизни, но и с молодых лет вел обширную переписку с зарубежными корреспондентами. Что же касается автографов Достоевского, то в иностранных государственных архивохранилищах и личных коллекциях их немного, хотя писатель в общей сложности провел за границей около шести лет, а начало его европейской популярности восходит к 1860-м годам.

По воспоминаниям А. Г. Достоевской известно, что в июле 1871 г., после четырехлетнего пребывания в Германии, Швейцарии и Италии, писатель перед возвращением на родину сжег в Дрездене рукописи «Идиота», «Вечного мужа», а также части «Бесов», являвшейся «оригинальным вариантом», опасаясь, что они будут отобраны на русской границе. Все это погибло безвозвратно. Но еще в недавние годы за границей находилась одна драгоценная творческая рукопись Достоевского и, по-видимому, туда же попала темными путями другая еще более драгоценная и к тому же весьма обременительная его рукопись.

Стефан Цвейг, свыше трети века собиравший интересные по содержанию автографы, 29 августа 1923 г. обратился из Зальцбурга к А. М. Горькому, жившему тогда в Берлине, с письмом, в котором просил его прислать какую-нибудь творческую рукопись собственного сочинения. В этом письме, говоря о том, какими автографами русских писателей он располагает, Цвейг сообщал: «Достоевский у меня представлен двумя главами из „Униженных и оскорбленных“, Толстой — двумя главами из рукописи „Крейцеровой сонаты“, — оба оригинала я приобрел перед войной, в результате больших денежных затрат и усилий» ⁸⁰. Кстати сказать, в 1914 г., до первой империалистической войны, Стефан Цвейг работал над книгой о Достоевском, которого считал величайшим писателем нового времени. Что же касается собранной им коллекции автографов, то она была замечательнейшей, так как он, по его словам, задался целью «владеть в собственноручных подлинниках именно тем, что сделало бессмертных бессмертными».

В 1971 г. впервые на русском языке были напечатаны главы из книги Стефана Цвейга «Вчерашний мир», в которой он с большой любовью говорит о своем собирательстве. Какие чудесные, идущие от всего сердца слова он посвятил своей коллекционерской страсти! Называя некоторые редчайшие рукописи, им отысканные, Цвейг в этих воспоминаниях пишет, что «всегда считал себя не владельцем этих вещей, а только временным хранителем. Меня радовало не чувство собственности, обла-

* «Мы будем вместе с Христом». — «Горстью пепла» (франц.).

дания, но прелесть объединения, превращения коллекции в произведение искусства. Я понимал, что создал нечто более достойное бессмертия, чем мои собственные произведения <...> Было у меня благое намерение завещать эту уникальную коллекцию учреждению, которое выполнит мое особое условие, — выделить ежегодную субсидию на пополнение коллекции в духе моих принципов <...> Но моему многострадальному поколению не дано загадывать вперед. Когда наступила гитлеровская эпоха и я оставил свой дом, радости собирательства улетучились вместе с верой в возможность сохранить что-либо навсегда. В течение некоторого времени я хранил коллекцию по частям в банковских сейфах и у друзей, но потом, — вспомнив бессмертные слова Гете о том, что музеи, коллекции и арсеналы, прекратив движение, мертвеют, — предпочел навсегда расстаться с нею, раз уж я не мог продолжать ее сотворение»⁸¹.

Завершает Стефан Цвейг эти взволнованные строки такими словами: «Часть коллекции я передал Венской национальной библиотеке — главным образом то, что сам получил в дар от друзей-современников, другую часть распродал, а то, что случилось с остальным, не очень тревожит меня. Не создание, а созидание всегда радовало меня. И я не оплакиваю то, чем некогда владел. Ибо если уж нам, затравленным и гонимым, суждено было в эти времена, враждебные искусству и собирательству, научиться еще чему-нибудь, так это искусству расставания с тем, что мы когда-то любили и чем гордились»⁸².

Еще при жизни Стефана Цвейга в зарубежных изданиях появлялись сообщения о некоторых примечательных рукописях из его коллекции. В 1930 г. подобного рода статья самого Цвейга была напечатана в венском журнале «Philobiblon («Книголюб»)»⁸³. Здесь было, в частности, сказано, что в собрании писателя имеются три главы рукописи «Униженных и оскорбленных». Вполне возможно, что за границей у какого-то лица находилась вся рукопись романа или значительная ее часть и что между 1923 г. (дата письма к Горькому) и 1930 г. (дата появления статьи) Цвейг приобрел еще одну главу «Униженных и оскорбленных». В той же статье говорится также о принадлежавшей Цвейгу рукописи «Крейцеровой сонаты» и дано воспроизведение нескольких строк одной ее страницы. В юбилейном полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в «Описании рукописей, относящихся к „Крейцеровой сонате“» отмечено, что «часть ценной рукописи — автограф находится у Ст. Цвейга (Зальцбург)»⁸⁴. Было ли напечатано за границей описание принадлежавшей ему рукописи «Униженных и оскорбленных», — неизвестно. В Венской национальной библиотеке ее нет, — значит, он туда ее не передавал. После самоубийства Стефана Цвейга и его жены в 1942 г., какие-то части коллекции, им собранной, попали, по имеющимся у меня точным данным, в Швейцарию, в частные собрания, которых там много.

К большому удивлению, в комментарии к «Униженным и оскорбленным» в только что вышедшем третьем томе академического собрания сочинений Достоевского ни единым словом не упоминается о рукописях трех глав романа, хранившихся у Цвейга. А ведь составители должны были не только знать о существовании этих материалов, но и предпринять их розыски, тем более, что, в отличие от других больших романов Достоевского, из рукописей «Униженных и оскорбленных» до нас ничего не дошло, если не считать маленького отрывка, недавно обнаруженного в московском музее Достоевского и публикуемого в настоящем томе (стр. 15).

Вполне возможно, что в послереволюционные годы за рубеж была увезена полная рукопись «Братьев Карамазовых». О ней имеется такая запись А. Г. Достоевской в тетради, на обложке которой она написала: «En cas de ma mort ou d'une maladie grave»*. «Внуку моему, Федиду, я подарила на память о его дедушке полный экземпляр рукописи романа „Братья Карамазовы“ (первый том 439 страниц и второй том 465 страниц). Оба тома переплетены (вес обоих более 12 фунтов). Внесены на хранение в Госуд(арственный) банк 17 февраля 1907 г. по расписке № 1030823. Расписка эта отослана на хранение Екатерине Петровне в заказ(ном) письме февр(аля) 1907 г.»⁸⁵ Упоминаемая в этой записи Е. П. Достоевская (урожденная Цугаловская) — жена сына писателя и мать его внука Федика, к которой Анна Григорьевна относилась

* «На случай моей смерти или тяжелой болезни» (франц.).

исключительно хорошо, скончалась совсем недавно, в 1959 г., во Франции, куда она переехала из Крыма, где жила до последнего года Великой Отечественной войны. После ее смерти в пансионате для престарелых русских эмигрантов в Ментоне, по ходатайству московского музея Ф. М. Достоевского было прислано, как утверждают, всё оставшееся от нее, но там, кроме домашних вещей, оказались лишь рисунки ее старшего сына Федика. Получила ли в Государственном банке Е. П. Достоевская по имеющейся у нее расписке рукопись «Братьев Карамазовых», — неизвестно. Но получить вполне могла. К тому же эту рукопись никто и никогда не передавал Федиду, как того желала Анна Григорьевна, — он умер в 1921 г., в шестнадцатилетнем возрасте⁸⁶. А если рукопись «Братьев Карамазовых» была получена из Государственного банка Е. П. Достоевской, то не взяла ли она ее с собой, когда после изгнания из Крыма оккупантов навсегда покинула родину? Могло быть и так: рукопись «Братьев Карамазовых», безусловно находившуюся вне того сейфа, где Анна Григорьевна хранила множество записных книжек и бумаг Достоевского, затем в 1921 г. поступивших в Центрархив, мог присвоить в бурные дни Октябрьской революции один из высших царских чиновников Государственного банка, — известны случаи, когда они изымали оттуда для отправки за границу различные ценности. Но так как нет точных данных о судьбе рукописи «Братьев Карамазовых» после 1917 г., остается верить, что она не погибла и будет обнаружена.

Не зная того, что существует письмо Стефана Цвейга, к тому же опубликованное в нашей печати дважды — в 1958 и 1960 гг., где прямо говорится об имеющейся у него лишь одной рукописи Достоевского — двух глав «Униженных и оскорбленных», не зная и статьи Цвейга в журнале «Philobiblon», где говорится о принадлежавшей затем писателю рукописи трех глав этого романа, Б. И. Бурсов привел завещательную надпись А. Г. Достоевской (не говоря о том, что она впервые напечатана В. С. Нечаевой) и далее напечатал явно апокрифические сведения о судьбе рукописи «Братьев Карамазовых», сообщенные Андреем Федоровичем Достоевским, младшим внуком писателя: будто в 20-х годах ее «купил за баснословную цену немецкий писатель Стефан Цвейг, который после захвата власти Гитлером уехал в Аргентину, бедствовал, задолжал большую сумму бакалейщику и, вместе с женой, покончил самоубийством»⁸⁷. Правда, Б. И. Бурсов называет это сообщение легендой. Но зачем распространять безусловно неверные сведения, да еще сдобренные выдумкой о бакалейщике, являющемся чуть ли не виновником самоубийства Цвейга! Кстати сказать, он был писателем австрийским.

О том, что украденные в нашей стране рукописи Достоевского оказываются за границей, красноречиво свидетельствует следующий факт. В первом томе писем Достоевского, вышедшем в 1928 г., А. С. Долинин напечатал письмо 12 ноября 1859 г. к В. М. Карепиной, — сестре писателя, указав в примечаниях, что его подлинник хранится в московском Историческом музее. А двадцать восемь лет спустя после выхода первого тома четырехтомника, в 1956 г., человек, назвавший себя С. Максимовым, через посольство СССР во Франции передал в дар Музею Ф. М. Достоевского в Москве тот самый подлинник письма к В. М. Карепиной, который ранее хранился в Историческом музее!

Из Советского Союза был увезен другой интересный автограф писателя — двойной лист большого формата, все четыре стороны которого, заполненные рукою Достоевского, являются началом второй главы второй части «Записок из Мертвого дома». Интересен автограф множеством зачеркнутых слов, вместо которых внесены поправки, отразившиеся в окончательном варианте. Наряду с автографами Державина, Жуковского, Пушкина, Александра Бестужева, Вяземского, Гоголя, Тургенева, Горького, Блока, Марины Цветаевой, этот автограф Достоевского входит в раздел рукописей большой коллекции русских изданий 1750—1920 гг., отчасти собранной Бейардом Л. Килгуром во время его пребывания в 1926 и 1927 гг. в Советском Союзе. Ему удалось вывезти в США редчайшие русские книги, в том числе по экземпляру всех прижизненных изданий Пушкина. Многие из книг этой коллекции, если судить по имеющимся на них экслибрисам и печатям, ранее были в библиотеках Александра II, Александра III, Николая II, в. к. Алексея Николаевича, Сергея Александровича

Михаила Николаевича, Константина Николаевича, Павла Александровича, в. к. Ольги Николаевны, Елизаветы Маврикиевны, в библиотеках дворцов Зимнего, Гатчинского, Аничкова, Павловского, Александровского, Михайловского, в знаменитых личных библиотеках С. А. Соболевского, Г. В. Юдина и даже в Публичной библиотеке, в Эрмитаже. На многих книгах имеются дарственные надписи русских писателей. Теперь вся богатейшая коллекция Килгура вместе с рукописями принадлежит библиотеке Гарвардского университета, выпустившего в 1959 г. огромный том, в котором все книги этой коллекции описаны, все титульные страницы воспроизведены, а также описаны рукописи и воспроизведены некоторые из них⁸⁸. Каким образом и у кого Килгур смог достать автограф Достоевского, — неизвестно. Его первая публикация, подготовленная Д. И. Чижевским, появилась в 1955 г. в «Harvard Library Bulletin», а в следующем году в сборнике «Русский литературный архив», вышедшем в Нью-Йорке⁸⁹.

Поиски реликвий нашей отечественной культуры, проведенные мною в 1966 г. во Франции, принесли значительные результаты. Так, из числа рукописных материалов, что мне удалось там выявить, только в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР поступило около двенадцати тысяч номеров. Среди них творческие рукописи и письма, дневники и воспоминания, рисунки и фотографии, относящиеся к огромному периоду времени — от дневника Аннет Олениной с записями о ее встречах с Пушкиным, до архива Аркадия Аверченко; туда же поступили 44 иллюстрации Александра Бенуа к «Капитанской дочке», а также 43 эскиза костюмов и эскиз занавеса М. В. Добужинского к «Ревизору», которые впервые обрели жизнь на сцене в 1972 г. в постановке этой пьесы Г. А. Товстоноговым в Ленинградском Большом драматическом театре. Государственный музей А. С. Пушкина в Москве украсил свою экспозицию двумя шедеврами русской акварельной живописи — портретом М. Н. Волконской с сыном кисти П. Ф. Соколова (эта акварель была взята ею с собой в Сибирь, когда она решила разделить судьбу мужа-декабриста), а также портретом Идалии Полетики, исполненным тем же художником. В Государственный музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске была передана картина великого поэта «Вид Крестовой горы», подаренная им своему другу В. Ф. Одоевскому. Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве получил двадцать писем-автографов Толстого к Виктору Лебрену. Удалось найти много интересного, связанного с жизнью и творчеством Тургенева...

Но отыскать во Франции какие-либо автографы Достоевского представлялось невозможным. В отделе рукописей парижской Национальной библиотеки мне сообщили, что автографов Достоевского там нет. То же самое сказали руководители архивов Франции, с которыми я общался. Что же касается французских частных собраний, то профессор Андре Мазон, хорошо их изучивший, уверял меня, что за всю свою долгую жизнь он не видел в этих собраниях ни единой строки, написанной рукой Достоевского. О том же говорил и Андре Моруа, владевший превосходной коллекцией автографов, которую он мне показывал, разрешив фотографу Мишелю Бродскому сделать для меня снимки некоторых из них.

И все же я узнал о существовании во Франции двух автографов Достоевского, находящихся у частных лиц.

Один из парижских друзей сообщил мне, что в Ницце живет весьма почтенных лет человек, который еще в давние годы собрал коллекцию творческих рукописей и писем известных литераторов прошлого, общественных и политических деятелей, к тому же не только французских, поэтому у него могут быть и русские автографы. И так как я должен был побывать на юге Франции, где жил Виктор Лебрен, обещавший передать двадцать писем Толстого, то просил друзей, привезших меня к Лебрену, поехать затем со мной в Ниццу. Владелец собрания автографов был предупрежден о моем приезде, и я был встречен им радушно. Коллекция действительно оказалась интересной. Внимательно просмотрев автографы Монтескье и Руссо, Дидро и Бомарше, Гюго и Жюль Санд, Марата и Демулена, Карла Маркса и Франклина, Ньютона и Эйнштейна, Гете и Шиллера, я буквально впился в русские автографы. Их оказалось здесь восемь: пять писем Тургенева к Каролине Комманвиль, племяннице

Милостивый Государь,

Письмо ваше, через которое вы изъявляете желание иметь мой автограф, получил я только сегодня. Это случилось следующим образом:

Вчера:

Когда оно пришло ко мне, в Парголово, я был в Петербурге. Человек мой получил письмо, положил ко мне на стол и забыл об нем, но так хорошо забыл, что только сегодня случайно отыскал я его у себя на столе под книгами.

Спешу исполнить ваше желание и посылаю вам немедленно листок из одного моего рассказа, нигде не напечатанного.

Съ совершенным почетом остаюсь вашим покорнейшим слугою.

Вашинъ, Милостивый Государь,

1884
Л. Д. Дост.

Покорнейшимъ слугою
Ф. Достоевскій

Достоевскій

ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО К НЕИЗВЕСТНОМУ 3 ИЮНЯ 1848 г.

Находилось в частном собрании, Ницца

Флобера, письмо Льва Толстого к П. П. Николаеву, философу-идеалисту, переселившемуся в 1905 г. в Ниццу, письмо Горького к бельгийскому писателю Франсу Элленсу и его жене М. М. Элленс-Милославской⁹⁰. И, наконец, письмо Достоевского, к тому же оказавшееся неизданным. На следующий день я получил фотографию этого письма.

Вот его текст:

Милостивый государь,

Письмо ваше, через которое вы изъявляете желание иметь мой автограф, получил я только сегодня. Это случилось следующим образом:

Когда оно пришло ко мне, в Парголово, я был в Петербурге. Человек мой получил письмо, положил ко мне на стол и забыл об нем, но так хорошо забыл, что только сегодня случайно отыскал я его у себя на столе под книгами.

Спешу исполнить ваше желание и посылаю вам немедленно листок из одного моего рассказа, нигде не напечатанного.

С совершенным почтением имею честь быть вашим, милостивый государь,
покорнейшим слугою

Ф. Достоевский

48 Июня 3

С первого взгляда письмо не представляет интереса. И все же это не так.

Прежде всего до сих пор было известно всего лишь одно письмо Достоевского, датированное 1848-м годом. Ведь только за четыре года до того его имя впервые появилось в печати, и то лишь в качестве переводчика повести Бальзака «Эжени Гранде». В 1846 г. в «Петербургском сборнике» и в «Отечественных записках» были напечатаны «Бедные люди», «Двойник» и «Господин Прохарчин», принесшие известность писателю, а в следующем году «Бедные люди» вышли отдельным изданием. Адресат письма Достоевского, пока остающийся нераскрытым, был, по-видимому, первым из читателей, попросившим его автограф. И главное, в ответ на эту просьбу писатель отправил ему «листок» из одного своего рассказа. Достоевский работал тогда над тремя рассказами — «Елка и свадьба», «Белые ночи» и «Ревнивый муж», затем появившимися в трех последних книгах «Отечественных записок» за 1848 год. Возможно, что «листок» одного из этих рассказов, в июне 1848 г. еще «нигде не напечатанного», Достоевский и отправил своему адресату. Уцелел ли «листок», где он сейчас находится, — неизвестно. Но отыскать его было бы тем более интересно, что творческие рукописи первых лет литературной деятельности Достоевского совсем не сохранились.

Второй автограф писателя, обнаруженный во Франции, это его дарственная надпись на собственной фотографии:

Якову Фаддеевичу Сахар
на память
от Ф. М. Достоевского
16 декабря/80 г.

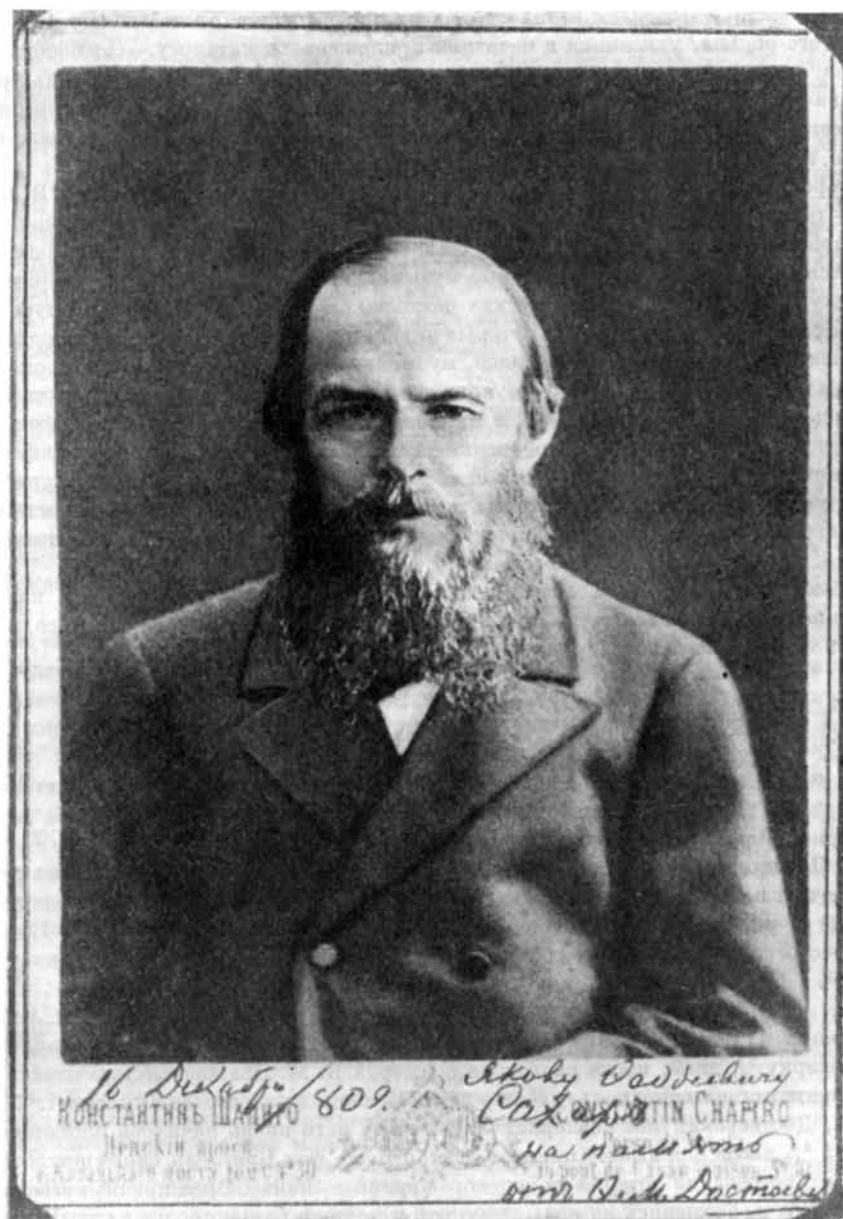
Фотография ценна уже тем, что сохранилось всего семь такого рода подарков писателя. Эта — дошедшая до нашего времени восьмая, самая поздняя по дате, — то были последние недели жизни Достоевского, скончавшегося 28 января 1881 г.

Подарил эту фотографию писатель двадцатидвухлетнему студенту Петербургского университета Я. Ф. Сахару. Впоследствии наиболее авторитетный нотариус столицы, большой любитель литературы, театра и изобразительного искусства, Я. Ф. Сахар с молодых лет стал собирать фотографии с дарственными надписями выдающихся деятелей русского и зарубежного культурного мира. Начало этой коллекции положил, видимо, Тургенев, подаривший ему 15 марта 1879 г. свою фотографию с надписью. А к концу жизни Я. Ф. Сахара (он скончался в Петербурге в 1911 г.) коллекция приобрела музейное значение.

Во время пребывания в Париже я познакомился с дочерью собирателя — Норой Яковлевной. Там я и увидел часть того, что некогда собрал ее отец, — фотографии Д. В. Григоровича, И. Е. Репина, В. Е. Маковского, Ф. И. Шалапина, И. В. Тартакова, М. Г. Савиной, К. А. Варламова, В. В. Стрельской, В. Н. Давыдова, Сары Бернар, Люсьена Гитри — и все с дарственными надписями. Н. Я. Сахар благожелательно отнеслась к моему совету отправить эти фотографии с автографами на родину. И теперь все они находятся в ЦГАЛИ. Что же касается фотографий Достоевского и Тургенева, то Нора Яковлевна незадолго до моего приезда уступила их одному парижскому собирателю. От него я и получил пересылку фотографии Достоевского, а затем удалось достать уже у другого лица фотографию Тургенева⁹¹.

Какова же дальнейшая судьба тех двух автографов Достоевского, которые обнаружены во Франции? Оба уже «переселились» в другие края.

Первый — автограф-письмо — появился 1 июня 1970 г. на распродаже автографов в Отеле Друо, доме аукционов, существующем в Париже уже 165 лет. На обложке каталога этой распродажи, выпущенного на французском языке, сказано: «Сто драгоценных документов». А на титульной странице: «Драгоценные автографы, составляю-

ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография К. Шапиро, 1879, Петербург, с дарственной надписью Достоевского:
 «Якову Фаддеевичу Сахару на память от Ф. М. Достоевского. 16 декабря/80 г.»

Находилось в собрании Н. Я. Сахар, Париж

щие коллекцию одного любителя»⁹². Это была часть собрания, за три года до того осмотренного мною в Ницце. Самые значительные — по мнению экспертов аукциона — автографы воспроизведены в каталоге, и в их числе письмо Достоевского. Предварительная его оценка, указанная в печатном приложении к каталогу — от 6000 до 7000 франков, свидетельствует, как за рубежом редки рукописи Достоевского; ведь предварительная оценка подобного рода автографа Тургенева в том же приложении определена всего в 300—400 франков. Как мне сообщили, письмо Достоевского было приобретено на этом аукционе заокеанским коллекционером.

Второй автограф — фотография писателя, подаренная им с надписью Я. Ф. Сахару, — попал на аукцион, состоявшийся 23—24 мая 1967 г. в антикварной фирме Штаргардт в Марбурге (ФРГ), которая с 1830 г. занимается продажей автографов выдающихся представителей литературы, музыкального, театрального и изобразительного искусства, ученых и политических деятелей. К каждому аукциону выпускаются богато оформленные каталоги, из которых видно, как часто там бывают автографы русских писателей, политических деятелей, музыкантов⁹³. В каталоге № 580, кроме фотографии с автографом Достоевского, приведены сведения о продававшихся тогда же двух письмах Льва Толстого и письме Чайковского. В пояснениях к автографу Достоевского в каталоге сказано, что это «исключительная редкость», да и цена ему была назначена высокая — 3500 франков. Но самое интересное в пояснениях — это указание, что за все время существования фирмы там ранее были проданы всего два письма Достоевского и книга с его дарственной надписью⁹⁴. В литературе о писателе нет никаких сведений об этих трех его автографах.

Весьма возможно, что в частных собраниях за рубежом имеются еще какие-то творческие рукописи, письма и книги с дарственными надписями Достоевского, но они до сих пор остаются невыявленными, неописанными и неопубликованными.

VII. ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО

Последнее по хронологии письмо Достоевского, напечатанное в четырехтомнике, датировано 26 января 1881 г. и обращено к Н. А. Любимову; в нем просьба дослать остаток в 4000 рублей, причитающийся за «Братьев Карамазовых». Написано это обращение к Любимову обычным, почти каллиграфическим почерком. Но одна фраза в письме заключает в себе нечто настораживающее: «...могу ли надеяться еще раз на внимание ваше и содействие к моей теперешней, последней может быть просьбе?» По-видимому, Достоевский чувствовал себя серьезно больным, когда эти строки ложились на бумагу⁹⁵.

Еще в ночь на 26 января у него хлынула кровь горлом, после того как, работая за письменным столом и уронив вставку с пером, он, чтобы ее достать, отодвинул тяжелую этажерку. А днем, после разговора с сестрой В. М. Ивановой, старавшейся уговорить брата отказаться в пользу сестер от своей части в наследстве их тетки А. Ф. Куманиной, Достоевский так разнервничался, что у него вновь началось кровотечение. Когда в 5 ¹/₂ часов дня к нему приехал доктор Я. Б. фон Бретцель, снова пошла кровь горлом, и Достоевский потерял на некоторое время сознание. Врач признал его состояние тяжелым и, оставшись на ночь дежурить у постели больного, предложил пригласить еще двух врачей — Д. И. Кошлакова и А. А. Пфейфера.

Следующий день, 27 января, прошел относительно спокойно, однако 28 января в петербургских газетах, в частности в «Новом времени», появились тревожные заметки о том, что Достоевский «сильно занемог». Прочитав об этом, графиня Е. Н. Гейден, часто встречавшаяся с Достоевским в конце 1870-х годов, написала утром 28 января Анне Григорьевне письмо, в котором просила сообщить о его здоровье посланному⁹⁶. В тетради Анны Григорьевны, куда она вносила записи о событиях тех скорбных дней, среди сделанных 28 января имеется и такая: «Вечером до Кошлакова диктовал мне письмо к Гейден с историею его болезни»⁹⁷. И хотя в бумагах А. Г. Достоевской, находящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, сохранился отдельный листок с текстом этого письма и к тому же сведения о нем при-

ведены в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского»⁸⁸, в четырехтомнике письмо к Е. Н. Гейден отсутствует.

Вот что написано рукою Анны Григорьевны на отдельном листке (публикуется впервые):

Продиктовано мне в ответ на письмо графини Гейден в 5 часов или $\frac{1}{2}$ 6-го в день смерти:

«26-го числа в легких лопнула артерия и залила, наконец, легкие»⁸⁹. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задушением. С $\frac{1}{4}$ часа Федор Михайлович был в полном убеждении, что умрет; его исповедили и причастили. Мало-по-малу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровотечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия»¹⁰⁰.

Хотя написано это письмо в третьем лице, все же оно безусловно передает полностью именно то, о чем просил сам Достоевский сообщить Е. Н. Гейден.

Через два часа Достоевский скончался. Произошло это в 8 часов 38 минут вечера 28 января 1881 г.

Будущее академическое издание писем Достоевского завершится, несомненно, этим его действительно предсмертным письмом к Е. Н. Гейден.

Таковы те десять писем Достоевского, отсутствующие в четырехтомнике, а также одна его фотография с дарственной надписью, которые были обнаружены в отделах рукописей Государственной Третьяковской галереи и Государственного литературного музея, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в коллекции А. Б. Гольденвейзера и в коллекции К. А. Федина, в зарубежных собраниях в Ницце и Париже.

В такой же степени, как разнообразны места хранения этих писем, разнообразны они по содержанию. Почти каждое письмо, максимум два письма, образуют отдельный сюжет. Поэтому и пришлось говорить о них в семи главках, в вводной же главке дать оценку четырехтомнику писем Достоевского, подготовленному А. С. Долининым, а также привести перечень тех новонайденных писем, которые были выявлены и напечатаны до этой нашей публикации.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Ф. М. Достоевский. Письма». Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. В четырех томах. I. 1832—1867. М. — Л., 1928; II. 1867—1871. М. — Л., 1930; III. 1872—1877. М. — Л., 1934; IV. 1878—1881. М., 1959.

² В 1928 г. издательство «Academia» выпустило мою книгу «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», значительная часть комментариев к которой была сделана по неизданным материалам.

³ В. Л. К о м а р о в и ч. Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917—1933 гг. — «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 274—275.

⁴ В т. 83 «Лит. наследства» (стр. 347) ошибочно указано, что эта записка адресована Д. Е. Кожанчикову.

⁵ Так же очень небрежно напечатал Б. И. Бурсов в своем странном не только по жанру («роман-исследование») сочинении «Личность Достоевского» интереснейшую запись писателя у гроба жены (16 апреля 1864 г.). Б. И. Бурсов привел ее по весьма неточной публикации Б. П. Вышеславцева в парижских «Современных записках», 1932, кн. 50. Именно так, с пропущенными фразами, неверно прочитанными словами и грубыми ошибками перепечатал Б. И. Бурсов запись «Маша лежит на столе» («Звезда», 1969, № 12, стр. 154), не зная, что автограф входит в состав записной книжки Достоевского, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, хотя на это указано в издании «Описание рукописей Достоевского» (1957), где запись упоминается дважды (стр. 21—22 и 133). См. полную публикацию той же заметки на 173—174 стр. т. 83 «Лит. наследства».

⁶ В. Л. К о м а р о в и ч. Указ. соч., стр. 275—278.

Из других печатных откликов на это издание следует отметить содержательную рецензию И. З. Сермана на четвертый том писем Достоевского, появившуюся в «Вопросах литературы», 1959, № 8, стр. 205—209.

⁷ А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951, стр. 247.

⁸ «Лит. наследство», т. 80. «В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, документы», 1971, стр. 65; Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, стр. 381—382.

⁹ В. С. Кеменов. П. М. Третьяков и русская живопись.— Вступ. статья в кн.: А. П. Боткина. Указ. изд., стр. 11—12.

¹⁰ См. изд.: «Двенадцать портретов русских писателей». Ред. и вступ. статья И. С. Зильберштейна. М., 1940, стр. 12.

¹¹ Это письмо Третьякова к Достоевскому, как и следующее, впервые опубликовано в кн.: А. П. Боткина. Указ. изд., стр. 294. Сверены с подлинниками, хранящимися в ЛБ.

¹² Третьяков тогда же заказал Перову портрет А. Н. Майкова; хранится в Третьяковской галерее.

¹³ «Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879». М., 1968, стр. 76—77.— Письмо не датировано; составители этого издания ошибочно датировали его маем 1872 г., в то время как оно отправлено в конце апреля этого года (см. цитируемое мною письмо Достоевского к Н. Н. Страхову, в котором говорится, что 3 мая Перов уже получил согласие Третьякова на исполнение художником портрета Майкова).

¹⁴ «Письма», III, стр. 27—28.

¹⁵ В. В. Бессонов — врач, член Общества любителей художеств, художник-дилетант, находился в дружеских отношениях с Перовым. Его портрет художник исполнил в 1869 г.

¹⁶ Когда год спустя Ф. И. Тютчев скончался, Достоевский поместил в журнале «Гражданин» заметку:

«Некролог. 15 июля, в Царском селе, скончался Федор Иванович Тютчев, сильный и глубокий русский поэт, один из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей пушкинской эпохи.

С горестью сообщая об этом нашим читателям, мы имеем в виду в непродолжительном времени, в отдельной статье, по возможности оценить поэтическую деятельность покойного поэта» («Гражданин», 1873, № 30, 23 июля; XIII, 587).

В следующем номере «Гражданина» была помещена статья В. П. Мецкерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», которую Достоевский целиком переработал. Вот что он писал жене 29 июля 1873 г.: «Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мецкерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеляли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил» («Письма», III, стр. 70).

¹⁷ Два месяца спустя после смерти Достоевского Третьяков, который продолжал заказывать художникам портреты деятелей литературного мира России, попросил Репина исполнить портрет М. Н. Каткова. В ответном письме, датированном 8 апреля 1881 г., Репин категорически отказался от этого предложения, сославшись на то, что увековечивать следует лишь «лиц, дорогих нации, ее лучших сынов, принесших положительную пользу своей бескорыстной деятельностью на пользу и процветание родной земли, веривших в ее лучшее будущее и борющихся за эту идею». Репин, называя Каткова «ретроградом <...>, набрасывавшимся на всякую светлую мысль, клеймившим позором всякое свободное слово», заканчивал письмо так: «Неужели этих людей ставить наряду с Толстым, Некрасовым, Достоевским, Шевченко, Тургеневым и другими? Нет, удержитесь ради бога!» («Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым, 1873—1899». М., 1946, стр. 48).

Сообщая И. Н. Крамскому 13 февраля 1886 г. о том, чьи портреты отсутствуют в галерее, Третьяков, упомянув Каткова, объяснял: «Никто не хотел написать его» («Переписка И. Н. Крамского. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887». М., 1953, стр. 315).

¹⁸ «Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879», стр. 77—78.

На портрете справа внизу подпись: «В. Перов 1872 Май».

¹⁹ А. П. Боткина. Указ. изд., стр. 183.

²⁰ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 219—220.

²¹ «Записные тетради Ф. М. Достоевского». Подготовка к печати Е. Н. Коншиной. Комментарии Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.—Л., 1935, стр. 182 и 347.

²² «Письма», III, стр. 45—46.

²³ Достоевскому приписывается статья «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год», напечатанная без подписи в октябрьском номере журнала «Время» 1861 г. В этой статье сообщалось, в частности, что г. Перов за „Проповедь в селе“ получил первую золотую медаль, и далее говорилось: „Проповедь в селе“ г. Перова отличается

очаровательную наивностью. Тут почти все правда, та художественная правда, которая дается только истинному таланту: и мужики и бабы, и заснувший помещик, и ясное небо, и крестный ход, и ребятишки» (XIII, 544—545, 607—608).

В. С. Нечаева считает, что в этой статье Достоевскому принадлежит лишь начало, где идет речь о картине В. И. Якоби «Привал арестантов», автором же остальной части статьи мог быть Я. П. Полонский (см. В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, стр. 263—264).

²⁴ «В. В. Стасов». Вторая передвижная художественная выставка. — «С.-Петербургские ведомости», 1873, № 23, 23 января.

²⁵ П. К. «П. М. Ковалевский». Вторая передвижная выставка картин русских художников. — «Отечественные записки», 1873, № 1, отд. II, стр. 94—95.

²⁶ П.—в «П. Н. Петров». Передвижная выставка в Академии художеств. — «Биржевые ведомости», 1873, № 4, 6 января.

²⁷ «Нива», 1873, № 5, 5 февраля, стр. 79.

²⁸ «Вторая передвижная выставка картин». — «Новое время», 1873, № 6, 6 января.

²⁹ «Передвижная выставка в Академии художества». — «Всемирная иллюстрация», № 211, 13 января, стр. 50.

³⁰ Г. Г. Урусов. Полный обзор третьей художественной выставки Товарищества передвижных выставок в России. М., 1875, стр. 17—18.

В 1876 г. историк литературы П. Н. Полевой обратился к П. М. Третьякову с просьбой прислать фотографию перовского портрета Достоевского для воспроизведения в одном издании. Но репродукцию портрета Полевой поместил лишь три года спустя в журнале «Огонек» (1879, № 33-34) одновременно с очерком о Достоевском (см. ниже публикацию Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников», стр. 449—450).

³¹ А. Л. «Едаков». Выставка в Академии художеств. Отдел портретной живописи. — «С.-Петербургские ведомости», 1878, № 69, 10 марта.

³² В. С. «В. Стасов». Наши итоги на Всемирной выставке. — «Новое время», 1878, №№ 998, 1005, 1012, 1017, 7, 14, 21, 28 декабря; 1879, № 1024, 4 января. — Перепеч. в изд.: В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах, т. I. М., 1952, стр. 339—376.

³³ Статья Поля Манца появилась в «Temps» 2 октября 1878 г.; статья Жюльа Кларти — в «Indépendance Belge» 13 июля того же года.

³⁴ Статья была напечатана без подписи в «Художественном журнале» в марте 1881 г. Переиздана в кн.: И. Н. Крамской. Письма, статьи в двух томах, т. II. М., 1966, стр. 256.

Завершал эту статью Крамской утверждением, что другим превосходным портретом Достоевского является фотография М. М. Панова, снятая 9 июня 1880 г. в Москве, на следующий день после речи писателя о Пушкине.

³⁵ Не издано. — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

³⁶ Не издано. — Там же.

³⁷ Частично опубликовано в книге А. П. Боткиной, стр. 215—216. Приводим по подлиннику, хранящемуся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи.

В комментариях к изданию воспоминаний А. Г. Достоевской (стр. 444) сказано, что П. М. Третьяков «в качестве городского головы принимал активное участие в организации Пушкинского праздника» 1880 г. Московским городским головой был С. М. Третьяков, брат Павла Михайловича.

³⁸ Опубликовано в книге А. П. Боткиной, стр. 216—217; приводим по подлиннику, хранящемуся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи.

³⁹ Публикуется впервые. — Отдел рукописей ЛБ.

⁴⁰ Публикуется впервые. — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Тетя Маня — сестра Веры Николаевны, жившая у Третьяковых; Наталья Васильевна — Фофанова, воспитательница детей Третьякова. О них см.: В. П. Зилоти. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954, стр. 116—117, 125—130. В той же книге на стр. 183—184 кратко упоминается об отношениях Достоевского и Третьяковых, но здесь нет ничего нового по сравнению с книгой А. П. Боткиной.

⁴¹ Опубликовано в книге А. П. Боткиной, стр. 217; приводим по подлиннику, хранящемуся в ЛБ.

⁴² Опубликовано в книге А. П. Боткиной, стр. 217—218; приводим по подлиннику, хранящемуся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи.

⁴³ Публикуется впервые. — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Е. Г. Мамонтова, жена С. И. Мамонтова — «замечательная в деле русского искусства личность», как охарактеризовал ее В. В. Стасов. См. о ней подробно в кн.: В. С. Серова. Как рос мой сын. Сост. и научн. ред. И. С. Зильберштейн. Статьи и комментарии И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова. Л., 1968, стр. 205—206.

⁴⁴ «Переписка И. Н. Крамского. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887». М., 1953, стр. 276—277.

⁴⁵ Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863—1886 гг. Тт. 1—25. М., 1897—1898.

⁴⁶ Лев Л ю б и м о в. На чужбине. Ташкент, 1965, стр. 13—16.

Коллекция была преумножена Д. Н. Любимовым, сыном редактора «Русского вестника», передавшим ее в Пушкинский Дом. Д. Н. Любимов собрал автографы Гоголя, Жуковского, Даргомыжского, Чайковского, Рубинштейнов, Чехова, Режина, Айвазовского, Листа, Моцарта, Золя, Доде и некоторых других выдающихся представителей русской и зарубежной литературы и искусства.

Воспоминания Д. Н. Любимова о речи Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 г. напечатаны в изд.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников». Сборник составлен А. С. Долининым. М., 1964, т. II, стр. 365—378.

⁴⁷ «Письма», I, стр. 29.

О Н. А. Любимове (1830—1897) собраны сведения во вступительной статье Б. Л. Модзалевского к письмам Достоевского («Былое», 1919, № 14, стр. 34—37). Здесь, в частности, указывается, что в Петербурге в 1897 г. был выпущен сборник «Памяти Николая Алексеевича Любимова», в который были включены подробная его биография, написанная поэтом К. К. Случевским, список печатных работ, портрет.

⁴⁸ Ф. Ш и л о в. Записки старого книжника. М., 1965, стр. 107.

⁴⁹ Возможно, что у Н. А. Любимова было письмо Достоевского 1 апреля 1879 г., до нас не дошедшее. Черновой набросок первых строк этого письма сохранился в одной из тетрадей с творческими записями к роману «Братья Карамазовы». — См.: «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 119; «Описание рукописей Ф. М. Достоевского». Под ред. В. С. Нецаевой. М., 1957, стр. 40 и 218.

⁵⁰ «Письма», I, стр. 447—448.

Лишь в примечаниях (там же, стр. 587) А. С. Долинин высказал предположение: «Не отрывок ли это из письма к Н. А. Любимову?» Но все же это оставалось предположением до тех пор, пока не обнаружился автограф письма.

⁵¹ «Письма», I, стр. 445—456.

В следующем письме к Любимову — 8 ноября 1866 г. — Достоевский, получив деньги, но еще не зная ответа Любимова относительно печатания заключительной части «Преступления и наказания» в последних книжках журнала за 1866 г., вновь просил его: «... нельзя ли так сделать: в октябрьском номере сделать заметку для публики, что окончание „Прест<упления> и нак<азания>“ последует непременно в этом году, а напечатать окончание в ноябрьской и декабрьской книгах? Я прошу об этом единственно потому, что впечатление романа на публику будет гораздо полнее и эффектнее; несравненно; простите самолюбие авторское и не смейтесь над ним, потому что это дело весьма простительное» («Письма», I, стр. 447).

⁵² Письмо хранится в ЛБ.

⁵³ «Письма», I, стр. 443.

⁵⁴ Н. С. Л е с к о в. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1958, т. 10, стр. 285.

⁵⁵ «Письма», III, стр. 86.

⁵⁶ Там же, стр. 91.

⁵⁷ Письмо хранится в ЛБ.

⁵⁸ «Письма», III, стр. 85.

⁵⁹ Там же, IV, стр. 314.

⁶⁰ Ф. Ш и л о в. Записки старого книжника, стр. 107.

⁶¹ Перепеч. в кн.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. II, стр. 236—237.

⁶² Краткое описание этих бумаг Константина Константиновича см. в изд.: «Центральный государственный исторический архив в Москве. Путеводитель». М., 1946, стр. 127.

Другая часть бумаг Константина Константиновича хранится в ИРЛИ; здесь находится, в частности, его переписка с И. А. Гончаровым, А. А. Фетом, Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, А. А. Голенищевым-Кузубовым, Н. Н. Страховым, П. И. Чайковским и др. («Пушкинский дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель». Л., 1924, стр. 96).

⁶³ «Последний дневник Тургенева». Статья, комментарии и публикация И. С. Зильберштейна. — «Лит. наследство», т. 73, кн. I, 1964 («Из парижского архива И. С. Тургенева»), стр. 387, 396, 414—416.

⁶⁴ Письмо И. А. Гончарова к А. А. Фету 19 ноября 1888 г. — «Русский архив», 1900, № 5, стр. 73.

⁶⁵ «П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк», т. II. 1879—1881. Ред. и примеч. В. А. Жданова и Н. Т. Жегина. М., 1935, стр. 330.

⁶⁶ Там же, т. III. 1882—1890. М., 1936, стр. 448.

⁶⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин — историк, был создателем и первым директором Высших женских курсов в Петербурге (1878—1882). Достоевский бывал у него на ве-

черях (см. Э. Л. Р а д л о в. Соловьев и Достоевский. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Т. I. Пг., 1922, стр. 161).

В дальнейших записях дневника, приводимых мною, упоминаются:

И. Е. Андреевский — юрист, преподавал Константину Константиновичу юридические науки.

А. Е. Комаровская — фрейлина в. к. Александры Иосифовны, матери Константина Константиновича (о Комаровской см. стр. 136, 349, 357, 538);

Н. Ф. Соколов — читал русскую словесность Константину Константиновичу; брат — в. к. Дмитрий Константинович;

Ю. Ф. Абаза — певица и композитор, жена А. А. Абазы, министра финансов в 80-х годах.

Евгения — Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская, внучка Николая I (дочь герцога Лейхтенбургского и в. к. Марии Николаевны);

цесаревна — Мария Федоровна, жена в. к. Александра Александровича, будущего Александра III;

Оля — в. к. Ольга Константиновна, сестра Константина Константиновича.

⁶⁸ Леонид Г р о с с м а н. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — «Лит. наследство», т. 15, стр. 160.

⁶⁹ Об этом вечере см. ниже в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников», стр. 498.

⁷⁰ Леонид Г р о с с м а н. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов, стр. 161.

На записке указано лишь «среда»; Л. П. Гроссман ошибочно датировал записку 1880 годом. Она была отправлена 21 марта 1879 г., что явствует из приводимого ниже ответа Достоевского.

В той же статье Гроссмана (стр. 133) под фотоснимком письма Победоносцева ошибочно указано, что это письмо Константина Константиновича.

⁷¹ А. Г. Достоевская Я. Воспоминания, стр. 328. — Здесь же (стр. 329) приводится сочувственное письмо Константина Константиновича в связи со смертью Достоевского, адресованное Анне Григорьевне.

⁷² Г. А. К н я з е в. Максим Горький и царское правительство. — «Вестник Академии наук СССР», 1932, № 2, стр. 33—34.

⁷³ Там же, стр. 38 и 42.

См. также: Н. К. К о з м и н. Максим Горький и имп. Академия наук. (По неофициальным документам). — «Историк-марксист», 1938, № 4, стр. 53—74.

⁷⁴ П. А. З а й н ч о в с к и й. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, стр. 163.

⁷⁵ «Лит. наследство», т. 83, стр. 672—673; 702.

⁷⁶ Ю. Г. О к с м а н. Всеволод Гаршин в дни «диктатуры сердца». — «Каторга и ссылка», 1925, № 2, стр. 126—138; см. также: Всеволод Г а р ш и н. Полн. собр. соч., т. III; ред., статьи и примеч. Ю. Г. Оксмана. М. — Л., 1934, т. III, стр. 207 и 475—477.

⁷⁷ «Письма», I, стр. 128.

⁷⁸ «Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского». Публикация В. Р. Лейкиной-Свирской. — «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 188.

⁷⁹ О реакции Достоевского на казнь Млодецкого см. также ниже в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников», стр. 496—497.

⁸⁰ «Иностранная литература», 1958, № 6, стр. 241; «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». — Архив Горького, т. VIII, 1960, стр. 11.

⁸¹ Стефан Ц в е й г. Вчерашний мир. Главы из книги. — «Нева», 1972, № 3, стр. 132—134.

⁸² Там же, стр. 134.

⁸³ Stefan Z w e i g. Meine Autographen-Sammlung. — «Philobiblon». Zeitschrift für Bucherliebhaber, 1930, H. 7, S. 279—289.

⁸⁴ Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 27. М., 1933, стр. 610.

⁸⁵ В. С. Н е ч а е в а. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского. Вступ. статья в изд.: «Описание рукописей Ф. М. Достоевского», стр. 7.

⁸⁶ М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского. 1506—1933. М., 1933, стр. 151.

⁸⁷ В. Б у р с о в. Достоевский неизвестный. — «Литературная газета», 1970, № 38, 16 сентября.

⁸⁸ «The Kilgour Collection of Russian literature 1750—1920. With Notes on Early Books and Manuscripts of the 16th and 17th Centuries». Harvard College Library: Distributed by the Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1959.

⁸⁹ «Harvard Library Bulletin», 1955, vol. IX, № 3; «Русский литературный архив» Нью-Йорк, 1956, стр. 59—81.

По фотоконии, полученной ЦГАОР, этот фрагмент рукописи «Записок из Мертвого дома» был опубликован В. С. Нечаевой в журнале «Советские архивы», 1967, № 3, стр. 81—92.

⁹⁰ В дальнейшем я выяснил, что письма Тургенева к Каролине Комманвиль были в давние годы опубликованы — одно в отрывке, остальные с неточностями, — и в таком виде они перепечатаны в полном собрании сочинений и писем Тургенева (Изд-во АН СССР. Письма, т. XII, кн. 2, стр. 24—25, 256, 284, 322; т. XIII, кн. 1, стр. 12); письмо Толстого к П. П. Николаеву напечатано по копии в изд.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 82, 1956, стр. 159—160; письмо Горького к Эдленсам появилось в переводе на французский язык в кн.: «Hommage à Franz Hellens». (Le dernier disque vert). Paris, 1957, p. 290.

⁹¹ О коллекции Я. Ф. Сахара см.: И. С. Зильберштейн. Парижские находки. Просто фотографии. — «Огонек», 1968, № 11, стр. 18—23. — Здесь опубликованы, в частности, фотографии Достоевского и Тургенева с их дарственными надписями Я. Ф. Сахару.

⁹² «Cent Documents précieux. Précieux autographes, composant la collection d'un amateur». Hôtel Drouot. 1er juin 1970.

⁹³ Об интереснейших автографах, которые появлялись на аукционах Штаргардта см.: «Ein Rückblick auf die Geschichte der Firma Stargardt. 1830—1955»; И. С. Зильберштейн. Парижские находки. Неизвестные автографы и портреты Гоголя. — «Огонек», 1969, № 46, стр. 26—29.

⁹⁴ «Autographen aus Yerschiedenem Besitz». J. A. Stargardt. Katalog 580. Auktion am 23 und 24 Mai 1967. Marburg, p. 19.

⁹⁵ Эти слова насторожили А. Г. Достоевскую, когда она прочитала письмо перед его отправкой Любимову. В записях Анны Григорьевны, имеющихся в ее черновых тетрадах, об этом письме сказано: «...написав, позвал меня и прочел его мне. Между прочим, он упомянул, что, может быть, это его последняя просьба, я на это со смехом сказала, что вот будешь писать „Карамазовых“, опять будешь просить вперед». — Л. Гроссман. Жизнь и труды Достоевского, стр. 319.

То же письмо Достоевского к Любимову имел в виду Катков, когда через два дня после его получения уже готовил некролог: «Как гром поразило нас вчера ночью известие о кончине Федора Михайловича Достоевского. Еще накануне, 27 января, получили мы от него собственноручное письмо, писанное твердым почерком и не возбуждавшее никаких опасений. Было, однако, в этом письме зловещее слово, которое тогда скользнуло для нас незаметно. Прося нас об одном деле, он прибавил: „это, быть может, моя последняя просьба“. Только теперь стал нам понятен скорбный смысл этого слова *последняя*. В нем сказалось предчувствие смерти еще прежде, чем совершилось роковое кровоизлияние, которое так быстро погасило дорогую жизнь нашего друга...» («Московские ведомости», 1881, № 30, 30 января).

⁹⁶ Это письмо Е. Н. Гейден к А. Г. Достоевской приведено на стр. 530.

⁹⁷ Л. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского, стр. 321.

⁹⁸ «Описание рукописей Ф. М. Достоевского», стр. 160.

⁹⁹ В этой записи Анна Григорьевна допустила неточность: вместо «26 числа» она написала «23 числа».

¹⁰⁰ Начиная со слов «может начаться...» Анна Григорьевна записала стенографическими значками, которые расшифровала Ц. М. Пошеманская (о ней см. на стр. 158—160 настоящ. тома).